

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

**Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц
и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946-2020)**

Тезисы докладов межинститутской конференции

Москва, 14-15 апреля 2021 г.

Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946-2020). Тезисы докладов межинститутской конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 14-15 апреля 2021 г. / Отв. ред. А.С. Зверев, сост. С.Д. Малышева. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – 40 с.

О грамматическом и лексикологическом аспектах слова в современном китайском языке

Текст может быть разбит на единицы, обладающие грамматическими свойствами слова. Основными критериями выделения слова являются, как правило, следующие: (1) синтаксическая самостоятельность; 2) цельнооформленность: морфологический показатель оформляет слово в целом; 3) невозможность вставки единицы того же уровня, т.е. другого слова.

Однако выделенные из текста в соответствии с грамматическими критериями единицы (их можно назвать «грамматическими словами»; в текстах на современном китайском языке значительную часть таких единиц составляют двуслоги) далеко не всегда являются «инвентарными словами», то есть не являются устойчивыми и воспроизводимыми. Более того, в ряде случаев «грамматическое слово» может оказываться непонятным (даже носителю языка) вне контекста.

Рассмотрим этот феномен на примере результативных конструкций (РК).

РК удовлетворяют критериям «грамматического слова», поскольку они синтаксически самостоятельны, цельнооформленны (отрицание и грамматические показатели относятся к РК в целом) и не допускают никаких вставок, кроме инфиксов *de/bu*.

Однако некоторые типы РК заведомо «несловарны».

Во-первых, это окказионализмы и авторские неологизмы. Ср. *kan-bao* 'насытиться путем смотра' по аналогии с *chi-bao* 'наесться' и *he-bao* 'напиться' (Цянь Чжуншу).

Во-вторых, существуют РК, которые оказываются непонятными, будучи вычлененными из предложения, в котором они выполняют роль сказуемого.

В качестве иллюстрации можно привести синтаксические структуры, которые в работах китайских грамматистов описываются как предложения, в которых глагол присоединяет дополнение не напрямую, а только через дополнительный элемент результата, ср. *Haizi ku-pao le keren* 'Ребенок плакал так, что гости убежали' и *Ta ao-bai le toufa* 'Он поседел от страданий'.

Конструкции *ku-pao* 'плакать-убегать' и *ao-bai* 'страдать-белый' обладают признаками грамматических слов. Тем не менее они не являются и не могут являться единицами инвентаря, так как вне контекста они непонятны.

В этой же связи можно упомянуть РК, второй компонент которых представляет собой глагол, управляющий именной группой со значением места (т.н. глагольно-предложные сочетания).

Рассмотренные примеры показывают, что не все единицы текста, обладающие грамматическими свойствами слова, являются в то же время единицами инвентаря. Более того, в целом ряде случаев грамматические слова оказываются синтаксически и семантически неполными вне контекста и поэтому вообще не имеют шансов превратиться в единицы инвентаря. Как представляется, приведенные наблюдения еще раз подтверждают тезис о несовпадении морфологического (грамматического) и лексикологического (словарного) аспектов слова в современном китайском языке и в типологически сходных с ним языках (Касевич 1988). Кроме того, они иллюстрируют неоднородность класса РК по параметру «словарности»: некоторые типы РК устойчивы и воспроизводимы, в то время как некоторые другие — заведомо «несловарны».

Проблемы структуры значений бурятского глагола *ойлгохо* 'понимать, понять' с анализом его сочетаемости¹

Лексика понимания, своими отдельными лексемами или их группами, соответственно синонимичными, рассматривается исследователями на материале разных языков. Труды по названной лексике освещают различные языковые аспекты понимания; в российском языкознании можно отметить работы Н.Д. Арутюновой, М.А. Дмитриховской, Ю.Д. Апресяна, М.Я Гловинской, И.Б. Шатуновского, В.А. Плунгяна, Б.Л. Иомдина, М.Д. Чертыковой и др.

В лексике понимания бурятского языка глагол *ойлгохо* 'понимать, понять' можно выделить как базовый глагол, отражающий соответствующее ментальное состояние / действие внутреннего мира человека. В словарной статье данного глагола наличествуют два лексико-семантических варианта, из которых первый содержит свои подзначения: 1. 1) понимать, разбираться в чём-л., уяснять себе что-л.; 2) чувствовать, замечать; 3) быть осторожным и 2. *атр.* понятный; *ойлгохо хэлэн дээрэ* на понятном языке [Бурятско-русский..., с. 17, 2008]. Как можно видеть по подзначениям, анализируемый нами глагол может выражать и чувственное восприятие, что говорит об известной близости психических систем человека: ментальной и эмоциональной.

В языковом выражении понимания на корпусных данных [Бурятский корпус] бурятского языка посредством контекстного анализа выявляются различные свойства / признаки процесса понимания, которые можно группировать по сходству / различию данных свойств / признаков, напр.: этапы (разгадка перед пониманием) понимания; темп / реакция понимания (быстрота); понимание с чувственным восприятием / удивлением; затрудненность понимания (понимание скрытого смысла и др.); пожелание / каузатив к пониманию от говорящего; намеренная / ненамеренная видимость понимания человеком; отсутствие стремления к пониманию; понимание человеческого языка / слов людьми / животными (скотом); рациональное / иррациональное понимание; вероятность / возможность / невозможность понимания; различная тематика информации для понимания (понимание истины учения; понимание своей миссии спасения родины; понимание внутреннего состояния человека); уровни понимания (хорошее, частичное, полное); понимание музыки, запахов; вопрос о понимании; понимание, подобное детскому; понимание душой; понимание ошибки; понимание сути вещей / мнения / взгляда; понимание причины / последствий ситуации; предположение / подтверждение понимания.

Анализ структуры значений того или иного слова актуален при составлении толкового словаря, в нашем случае – бурятского языка, для корректного подразделения различных употреблений лексической единицы.

Литература

1. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. URL: // http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 01.02.2021).
2. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. I. А – Н. 636 с. 5; 2008. Т. II. О – Я. 708 с.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности»).

Способы обозначения обыкновенной дроби в древнекитайском языке

В древнекитайском языке вариантов обозначения обыкновенного дробного числа было больше по сравнению с современным. У разных китайских лингвистов данные варьируют [1, с. 41; 2, с. 61–62; 3, с. 302–304], но в нашем исследовании мы выделяем десять моделей:

- 1) 分母 + 分 + 名词 + 之 + 分子 (...八十一分日之四十三。《汉书·律历志》);
- 2) 分母 + 名词 + 之 + 分子 (...参国之一...《左传·隐公元年》);
- 3) 分母 + 分 + 之 + 分子 (...三分之一。《史记·货殖列传》);
- 4) 分母 + 之 + 分子 (...中五之一, 小九之一。《左传·隐公元年》);
- 5) 分母 + 而 + 分子 (...十家而七。《史记·淮南街山列传》);
- 6) 分母 + 分 + 分子 (...二十七分十六。《史记·天官书》);
- 7) 分母 + 名词 + 分子 + 名词 (...千人一两人...《史记·匈奴列传》);
- 8) 分母 + 分子 при знаменателе (分母), как правило, равном 十, 百, 千, 万 (...十六七。《史记·陈涉世家》);
- 9) 分母 + 分 + 名词 + 分子 (...七分度一...《汉书·律历志》);
- 10) 分子 при знаменателе (分母), равном 十 (二 ‘две десятых’).

Также отметим, что в древнем периоде китайского языка использовались иероглиф 阌 со значением ‘одна третья часть; дробный остаток’ (其围之阌 ‘одна треть его окружности’) и иероглиф 仞 ‘одна десятая часть’ (丧用三年之仞 ‘на похороны тратят 1/10 часть трёхгодичного дохода’) [4, с. 180].

Наиболее распространенной моделью записи обычной дроби в древнекитайском языке являлось соположение знаменателя и числителя [5, с. 41]. Это перекликается с записью дробей арабскими цифрами (например, $\frac{1}{3}$), в которой также присутствуют эти два элемента. Выскажем осторожное предположение, что именно контакты с индийской цивилизацией (в том числе в сфере математики) могли оказать влияние на запись в китайском языке, несмотря на то, что арабские (индийские) цифры в древнекитайском языке не использовались, войдя в обиход Поднебесной только в начале XX века.

Отметим следующую особенность моделей записи древнекитайских дробей: знаменатель всегда находится впереди, а числитель – позади. Элементы, находящиеся в середине, могут быть либо переставлены, либо опущены в зависимости от варианта. Замечено, что модель записи дроби зависит от произведения, в котором она встречается. Например, в «Ханьшу Люйличжи» 《汉书·律历志》 28 раз встречается модель 分母 + 分 + 名词 + 分子 [1, с. 41].

Процесс появления различных моделей записи обычных дробей шел по пути от краткой (например, в «Цзо чжуань» 《左传》 и прочих произведениях доциньской эпохи) к развернутой («Исторические записки» 《史记》 и «Ханьшу» 《汉书》 в период династии Хань и после нее).

Литература

1. 方文一. 也谈古汉语分数表示法的结构层次. 古汉语研究. 1992 年第 1 期 (总 14 期). 页码: 41–44 页.
2. 方文一. 古汉语分数表示法的格式. 浙江师范大学学报 (社会科学版). 2009 年第 5 期第 34 卷 (总第 164 期). 页码: 61–64.
3. 周法高. 中国古代语法. 台湾中央研究院历史语言研究所, 1959. 487 页.
4. 李约瑟. 中国科学技术史. 数学. 共 14 卷. 北京: 科学出版社, 1978. 第 3 卷. 467 页.
5. 吴正芝. 数字表示法在文言文中的应用. 同步课堂. 功夫译文. 湖北. 页码: 39–42.

Анализ функционирования собственно послелогов и отыменных послелогов в текстах «Сокровенного сказания монголов» XIII и XX веков

Послелогии, как дополнительные средства для выражения и уточнения ряда пространственных, временных и иных отношений, являются наиболее частотной служебной частью речи в монгольских языках, в том числе и в халха-монгольском, представляющей собой живой развивающийся лексико-грамматический разряд служебных слов [Тодаева 1951, с.157].

Доклад посвящается рассмотрению теоретических основ для классификации послелогов, сравнительному анализу функционирования собственно послелогов и отыменных послелогов в текстах «Сокровенного сказания» XIII века (далее СС¹) и XX века (далее СС²) с целью дальнейшей попытки исследования частотности их употребления и объяснения причин перехода тех или иных форм полнозначных слов в разряд послелогов.

Послелогии, окончательно утратившие связь с знаменательными словами, относят к собственно послелогам. В халха-монгольском языке нами исследованы 7 собственно послелогов: **gadna** “кроме, сверх”, **derged** “при, возле, около, у, рядом”, **met** “как, будто, словно, подобно”, **tölöö** “за, ради, чтобы; так как, из-за, вместо”, **tuld** “ради, за, для”, **tuxaj** “о, про”, **turš** “в течение, на протяжении, за”.

Среди производных послелогов, сохраняющих связь с знаменательными словами, представляющих собой застывшие отыменные формы, возникшие в результате процесса грамматикализации знаменательных слов, нами рассмотрены 17 отыменных послелогов: **arār** “за, на северной (задней) стороне”; **dotor** “в, внутри; на протяжении, в течение”; **činē** “словно, величиной с, размером с”; **ilüü** “более, выше, кроме, сверх”; **orond** “вместо, за”; **süülēr** “в конце, после, потом”; **ačār** “с помощью, благодаря”; **tulār** “о, об, про; в области, в отношении”; **urd** “перед, на южной стороне”; **üed, üeer** “в период, во время, за время”; **xažūgār** “наряду с, помимо, кроме; мимо, вдоль”; **xažūd** “рядом, у, возле, около”; **xüčēr** “благодаря, с помощью”; **adil** “как, словно, подобно, точно как”; **bür** “каждый, всякий”; **sacū** “в то же время, одновременно”.

Анализ функционирования рассматриваемых послелогов в данных текстах показывает, что переход тех или иных форм полнозначных слов в разряд послелогов может быть связан с изменением обычного для этих слов характера их синтаксических связей [Лиджиева 2004, с. 52]. Таким образом, послелогии утрачивают способность выполнять самостоятельную синтаксическую роль в предложении, обретая строго фиксированное место в порядке слов предложения – непосредственная постпозиция. В качестве примера можно привести послелог **adil (adali)**, который восходит к имени прилагательному “похожий, одинаковый”. В тексте XIII века слово стоит в препозиции, но используется в сравнительном значении, т.е. можно предположить, что предпосылки перехода в разряд послелогов уже были:

- *Yesukan-qatun-o uke-tiir adali bolqaju* (СС¹ §155) ‘Она была **такой, какой** ее описала Есугей-хатун’;
- *Эцгийн хуучин анд та, миний эцгийн адил* (СС² §96) ‘Тот, кто доводится андой моему батюшке, он **как** отец мне’.

Литература

1. Лиджиева Л.А. Послелогии калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Дис. канд. фил. наук. – Элиста, 2004, 210.
2. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 196 с.

Модель в грамматике классического арабского языка

1. Грамматический строй классического арабского языка (сокр. КЛАЯ) со структурно-типологической точки зрения выглядит настолько регулярным, что нередко характеризуется как «алгебраический». Такое представление зиждется в основном на стройной парадигме глагольных и отглагольных форм.

2. Образцовой моделью служит парадигма правильного глагола. «Правильным» глаголом считается глагол, образующийся от консонантного корня, состоящего из трех фонетически устойчивых согласных. Устойчивые корневые согласные сохраняются и не изменяются во всех формах глагола и отглагольных имен (причастие, имя действия и др. производные) во всех формах, образованных как внешней, так и внутренней флексией (в другой системе терминов – трансфиксом, прерывистым аффиксом и т.п.).

3. Однако не все согласные фонологической системы КЛАЯ устойчивы: так наз. «слабые» согласные могут меняться, падать или появляться в определенных фонетических или просодических условиях.

4. Не все глагольные корни являются трехсогласными по своему происхождению.

5. Как работает грамматическая модель, если сталкивается с фокусами фонетической системы или с пережитками более древней структуры прасемитского или праафразийского консонантного корня?

6. Действие модели в случаях (3) и (4) свидетельствует о том, что:

- модель сложилась ранее, чем произошли изменения в фонетической системе КЛАЯ;
- сама модель формировалась на трехсогласных глагольных корнях до разделения семитских языков;
- такие виды внутренней флексии, как геминация корневого согласного и геминация/удлинение некорневого гласного, в системе КЛАЯ возможны только в основах с тремя корневыми согласными.

7. Обусловлены ли функции и судьба «слабых» согласных их фонетической природой – открытый вопрос.

А.А. Блинов

(Институт востоковедения РАН, Москва)

О некоторых особенностях сочетаемости компонентов акронимов в современном арабском языке

Акронимы в современном арабском языке появились сравнительно недавно, приблизительно 50 лет назад. Становление процесса акронимизации в арабском языке происходило в два этапа – два способа развивались параллельно до тех пор, пока один из них окончательно не вытеснил другой из употребления.

Изначально акронимы образовались в арабском не от исконных арабских слов, а от переводных иноязычных конструкций. Несомненно, что самым популярным источником таких заимствований стал английский язык. Так, сокращение *sānā* (al-wikālatu l-'arabiyyatu s-sūriyyah li-l-'anbā') «САНА (Сирийское арабское информационное агентство)» образовалось от словосочетания *Syrian Arab News Agency*, сокращение *sūnā* (wikālatu l-'anbā'i s-sūdāniyyah) «СУНА (Суданское информационное агентство)» – от словосочетания *Sudan News Agency*, а сокращение *kūnā* (wikālatu l-'anbā'i l-kuwaytiyyah) «КУНА (Кувейтское информационное агентство)» – от словосочетания *Kuwait News Agency*.

Вторая группа акронимов – исконно арабские – является более многочисленной. Это, например, такие сокращения, как *'amal* ('afwāḡu l-muqāwamati l-lubnāniyyah) «Амаль (Группы ливанского

сопротивления)», *ḥamās* (*ḥarakatu l-muqāwamati l-islāmiyyah*) «ХАМАС (Исламское движение сопротивления)», *wa'd* (*al-ḥizbu l-wataniyy li-l-'adālah wa t-tanmiyah*) «Ваад (Национальная партия справедливости и развития)» и т.д. Большинство из них представляют собой названия различных организаций и партий арабского мира.

Анализ сочетаемости компонентов акронимов показывает семантическую мотивированность внутренней структуры подобных сокращений, которые подбираются таким образом, чтобы соответствовать существующим словам в арабском языке. Омонимичность уже известным лексемам позволяет арабам придать дополнительную положительную окраску акрониму и сделать его более запоминающимся. Так, например, вышеприведенные акронимы *'amal*, *ḥamās* и *wa'd* имеют следующие буквальные значения в арабском языке: «надежда», «воодушевление» и «обещание».

Отдельного внимания заслуживают также случаи так называемой «реверсивной акронимизации», когда буквы в акрониме сочетаются не в прямой, а в обратной последовательности, что является уникальной особенностью именно арабского языка, не свойственной другим языкам. Этот прием дает возможность избежать отрицательной коннотации при иной сочетаемости компонентов акронима, как, например, в случае со словом *fath* (*ḥarakatu t-taḥrīri l-filastīniyyah*) «ФАТХ (Движение за национальное освобождение Палестины)», где обратный порядок букв в акрониме *fath* досл. «открытие, освобождение, победа» обусловлен негативным подтекстом прямого порядка букв, образующих слово *ḥatf* «смерть».

Е.Г. Борисова, С.А. Симатова

(МГПУ, Москва)

Типология единиц, служащих для модификации содержания сообщения в процессе коммуникации (на материале русских и китайских частиц)

Изучение языка – это не только описание тех или иных явлений в многочисленных языках народов мира, но и создание обобщающих моделей и теорий, какой, к примеру, является пока еще не вполне оцененная Трехмерная модель языка З.М. Шалапиной. А между конкретными описаниями и обобщающими моделями можно разместить типологические исследования, позволяющие систематизировать конкретные факты в языках мира, выявить общие закономерности и тенденции. Типология развивается уже около полутора столетий. Можно отметить значительный прогресс в этой сфере знаний, достигнутый исследователями разных стран (А.Е. Кибрик, Дж. Гринберг), в том числе и питомцами Института востоковедения М. Копчевской-Тамм, А. Айхенвальд и многими другими.

Объектом типологии оказываются явления фонетики и фонологии, грамматики: морфологии в плане содержания категорий и поведения морфем, и синтаксиса. В последнее время активизируются усилия по созданию разных видов семантической типологии, начало которой положено ранними работами Б.Ю. Городецкого: типология семантической деривации (Е.В. Рахилина, Г.И. Кустова, А.А. Зализняк), особенно метафоризации (А.Н. Баранов). В то же время различные языковые аспекты, имеющие прагматические корни, мало представлены в типологических исследованиях.

В докладе отмечаются те параметры языковых единиц, по которым можно выделить класс частиц как единиц, служащих для модификации сообщений в разных языках, и сопоставить языковые системы с целью типологической классификации.

1. Функции и свойства модальных частиц.

Модальные частицы служат для модификации передаваемой информации. Эта функция может выполняться и другими средствами, в том числе лексическими, в частности наречиями и вводными словами, а также конструкциями эксплицитной модальности. Например: рус. яз. – *Заявляю с полной ответственностью: больше я это прощать не намерена*, ср. *Я-таки не намерена больше прощать, Да*

я тебе этого больше прощать не стану!; кит. яз.: 我请你帮助他。Wǒ qǐng nǐ bāngzhu tā. (Я прошу тебя ему помочь.), ср.: 你帮助他吧。Nǐ bāngzhu tā ba. (Помоги ему [частица]).

Частицы вносят в предложения различные модальные оттенки, при этом влияя на интонацию. Например, в русском языке частица *же* обычно передает сдержанную настоятельность, *да* – резкую реакцию (как в спектре настоятельности, так и в спектре пренебрежения), *ну* – недовольство. В китайском языке некоторые частицы (了 le и 的 de) делают утверждение более категоричным и уверенным, а некоторые – более мягким (啊 a и 吧 ba).

Необходимо учитывать то, что с такими единицами обладают формальным сходством и другие элементы языка: маркеры морфологических категорий, другие служебные слова (междометия, союзы), дискурсивные маркеры, иногда совпадающие с частицами и имеющие с ними общее происхождение.

2. Включение частиц в сферу действия основных синтаксических типов предложений и их частей.

Функционирование модальных частиц может быть закреплено за определенными типами предложений и их частей:

1) утверждение: рус. яз. – *да, же, уж, ну, ведь*; кит. яз.: 啊 a, 呢 ne, 的 de, 了 le.

2) побуждение: рус. яз. – *же* (настоятельное побуждение), *уж* и *да* (снисходительное разрешение); кит. яз. – 吧 ba и 啊 a (смягченное побуждение), 了 le (категоричный запрет).

3) вопрос: рус. яз. – *же* (настоятельность), *ну* (смягчение); кит. яз. – 吗 ma (общий вопрос), 啊 a и 呢 ne (смягчение), 吧 ba (уточнение).

4) определенная синтаксическая роль: рус. яз. – *-то* (причина, уступка); кит. яз. – 啊 a и 吧 ba (условие).

3. Расположение частиц в высказывании.

Некоторые частицы могут тяготеть к определенной позиции в предложении: рус. яз. – начальная позиция (*а, ну*), позиция после первого значащего слова (*же*); кит. яз. – конец предложения (啊 a, 吧 ba, 呢 ne, 吗 ma, 的 de, 了 le); конец части предложения (啊 a, 吧 ba, 呢 ne).

4. Связь функций частиц с темарематическим членением высказывания.

Некоторые частицы маркируют только рему (рус. яз. – *же, и*), некоторые особенно выделяют тему (рус. яз. – *-то*). Китайские частицы (啊 a, 吧 ba и 呢 ne) маркируют только предиктируемую часть сообщения, иногда совпадающую с темой, выполняя при этом также функцию привлечения внимания собеседника.

5. Модели организации семантики частиц.

Отдельный интерес представляют связи различных функций частиц с их общим значением или общей функцией: рус. яз. – известность (*же*), указание на особое выделение темы (*-то*), добавление информации (*и*), решительность (*да*); кит. яз. – интерсубъективная функция, т.е. ориентация на слушающего (啊 a и 吧 ba).

Возможна также семантическая типология, сравнивающая модели метафоризации: перехода от нечастичных (нередко полнозначных) значений к общим значениям частиц. Например, в русском языке это указание (*-то, вот, тут, там*), возвратность (*сам*), предел (*уж*).

Таким образом, уровень изучения модальных (модифицирующих) частиц в ряде языков позволяет ставить вопрос о выделении нескольких параметров, на основании которых возможна типология этих служебных частей речи, или функциональных слов.

Структура лексико-семантического поля соматических единиц на материале фразеологического фонда персидского языка

Этимологически лексема «соматизм» восходит к греческому слову *σῶμα* [sōma] – «тело». Под соматической фразеологической единицей (СФЕ) понимается фразеологизм, одним из компонентов которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы, но и элементы внутренней системы организма человека либо животного, а также мимику и жесты.

Наибольший интерес к соматической лексике в целом характерен для периода конца XX – начала XXI века. Среди лингвистов, занимавшихся изучением именно соматической фразеологии, можно выделить Б.С. Данилова, Ю.А. Долгополова, Н.В. Куницкую, В.Ф. Скнара и других. Сам термин «соматические» применительно к фразеологическим единицам впервые был использован Ф.О. Вакком при рассмотрении им фразеологизмов эстонского языка.

Объем понятия «соматическая фразеологическая единица» трактуется лингвистами по-разному. Так, некоторые ученые не включают в семантическое поле СФЕ выражения с компонентами, обозначающими внутренние органы, жесты, мимику и проч. (например, О. Назаров)¹. Нами же это понятие будет рассматриваться в более широком понимании, т.к. по нашему мнению, соматическая лексика не ограничивается словами, называющими лишь части тела человека либо животного, потому как это приводит к необоснованному сужению семантического объема соматизмов. В этом смысле нам близка позиция Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые полагают, что жесты, мимика, позы, выражения лиц наряду с иными симптомами душевных состояний являются важными составляющими соматического языка².

Совокупность лексических единиц, которые номинируют части тела, органы человека/животного и прочие проявления вышеупомянутого «соматического языка», может быть систематизирована и представлена в структуре лексико-семантического поля (ЛСП).

В рамках настоящего исследования нами предложена и рассмотрена структура ЛСП соматических фразеологических единиц современного персидского языка: выделяется ядро, околядерная зона, ближняя и дальняя периферии. При построении данной модели мы принимали во внимание семантику рассматриваемых единиц, возможность их употребления в переносном значении, а также закрепленные за ними ассоциации, что позволило разделить СФЕ персидского языка на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ):

- 1) ЛСГ «внешние органы/части тела человека»;
- 2) ЛСГ «внутренние органы и системы организма»;
- 3) ЛСГ «части тела животных» (отличающиеся от частей тела человека);
- 4) ЛСГ «жесты и мимика»;
- 5) ЛСГ «болезни».

В целом дальнейшее изучение семантики и функционирования СФЕ представляется актуальным и перспективным. Построение ЛСП соматизмов персидского языка позволяет выявить специфические аспекты языковой картины мира его носителей.

¹ Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков. Ашхабад, 1973. – 203 с.

² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1993. – 232 с.

Глагольные устойчивые словосочетания в японском языке и лексико-семантическая сочетаемость

Наибольшее количество устойчивых (фразеологических) словосочетаний, или *канъё:ку* 慣用句, в современном японском языке, построенных по модели словосочетания, представлено глагольными словосочетаниями, между членами которых существует, пусть и формально, подчинительная связь. Наиболее распространены глагольные устойчивые словосочетания, в особенности частотны бинарные конструкции, построенные по модели «существительное + глагол».

Как известно, сочетаемость на лексическом уровне проявляется в избирательности лексем, на семантическом – семантическим согласованием. Моносемия глаголов в японском языке отмечается достаточно редко, большинство глаголов являются полисемантическими словами. Примерами однозначных глаголов могут служить, например, *сикамэру* «насупиться» (употребляется в сочетании с *као* «лицо»), *хисомэру* «хмурить» (употребляется в сочетании с *маю* «брови») и т.д. Большинство же японских глаголов многозначно и, следовательно, в различных окказиональных значениях могут вступать в словосочетания с различными существительными или другими частями речи. Устойчивые словосочетания характеризуются устойчивостью значения, устойчивостью совместного употребления компонентов, синтаксической устойчивостью. В устойчивых словосочетаниях японского языка тех типов, которые характеризуются средней и более низкой степенью переосмысления значений компонентов в составе цельной единицы, могут быть выделены единицы, в которых глаголы употреблены (сочетаются) с существительными и некоторыми другими лексическими единицами, относящимися к одному предметно-категориальному ряду. Иными словами, для подобных словосочетаний характерна ограниченная лексическая и семантическая сочетаемость. Так, один из типов устойчивых словосочетаний основан на грамматической аномалии и построен по архаичной грамматической модели «существительное в форме на - ГА + *суру* «делать». Первый компонент в таких словосочетаниях как правило обозначает нечто, ощущаемое органами чувств. В устойчивых словосочетаниях, построенных по модели «ономатопозитическое слово + глагол» и допускающих в большинстве случаев единственно возможное сочетание определённого ономатопозитического слова только с одним определённым глаголом, также фиксируются словосочетания, в которых варьируются глаголы в словосочетаниях с одним и тем же ономатопозитическим словом.

Аналогичные характеристики зачастую присущи и фразеологическим сочетаниям, типу устойчивых словосочетаний, основанных на ограничении в выборе переменных, обусловленном семантикой одного из компонентов. В словосочетаниях этого типа глагольный компонент, употреблённый в одном из своих окказиональных значений, детерминирует употребление в сочетании с ним слов, относящихся к одному предметно-категориальному ряду.

**О некоторых общих особенностях именного словообразования в новоиранский период
(на примере рефлексов др.-иран. лексемы *gātu-/*gāθu- ‘место’)¹**

Статья на широком языковом материале иллюстрирует структурно-семантические особенности функционирования в новоиранский период рефлексов др.-иран. лексемы *gātu-/*gāθu- ‘место’ в словообразовании имен в качестве словообразовательной морфемы со значением места и в составе устойчивых именных словосочетаний наречного характера, в которых эти рефлексы проявляют новоприобретенный (относительно древнеиранского периода) темпоральный аспект значения. В ней рассматриваются также некоторые аспекты процессов десемантизации и/или семантических переходов в этой связи. Историю вопроса, в том числе, детали географии распространения этих рефлексов в их двух семантических аспектах см. также в работах (Лашкарбеков 2014; Бойс 2000; Расторгуева, Эдельман 2007, 269–271; Виноградова 2020, 2021).

В таблице ниже приведен фрагмент языкового материала в схематическом виде:

Язык	Значение: Место	Значение: Время
персидский	šabāngāh <i>метон.</i> ‘место ночлега пастуха; овчарня’, ‘ebādatgāh, namāzgāh ‘место молитвы/намаза, мечеть’, kārgāh ‘мастерская, ткацкий станок’	šabāngāh ‘ночная пора; ночью’, sobhgāh ‘утром, утренняя пора’, sobhgāhi ‘утренний’, gāhbegāh, gāhi ‘иногда, порой’, gāhnāme ‘календарь’, gahi raftan ‘в момент ухода’
таджикский	чанг(г)ох ‘поле сражения, место боя’, донишгох ‘университет’, намозгох ‘место молитвы, мечеть’, коргох ‘место работы, мастерская; кузница’	шабонгох ‘ночью, в начале ночи, по ночам’, субхгох ‘утром, рано утром’, гоху бегох ‘всегда’, гохо, гоҳ-гоҳ ‘иногда’; ҳеҷ гоҳ ‘никогда’, т-ю. (х)амғъл, амлъғ ‘ровесник’, амғъл(ак) ‘нынче, только что’, т. Варзоб у-ғот ‘тогда’, у-ғоти ‘в то время’, чи-ғоти ‘когда’
шугнанский	коргā ‘мастерская; кузница’, намозгā ‘место молитвы, святое место’, саргā ‘исток’, хйллагā ‘развалины’, паргā ‘край, окраина’, гā-чо ‘местами, кое-где’, пойгā ‘нижнее место, пол; арена’, пойга-чой ‘ипподром’, хъев-чойгā, хабур(чо)гā ‘ночлег’	гā, го ‘иногда, порой’, гā-гā, гā... гā, го...го, гā-гйр, гā-йигун, гойи ‘иногда, порой’, ач-га(д) ‘никогда больше, еще’, вегā ‘вечер’, веганйнч(аθ) ‘вечером’, вегаки, авал-вегā ‘вечером, предвечернее время’, ғал ‘еще’
ваханский	Намадгут, топоним, ‘место поклонения’ (< *nāmāt- ‘молитва’ и gātu- ‘место’) (Стеблин-Каменский 1976, 184)	ғал ‘еще’, имп. дефект. гл. ғалъй! ‘подожди!’, цоғ(’)д ‘когда’

¹ Материал по древнеиранским языкам для данной работы собран в рамках гранта РФФИ 20-512-07004 Древнеиранские тексты по аудиозаписям лекций В.И. Абаева (Избранные тексты «Авесты» – 1982-1983 гг.; древнеперсидские монументальные надписи – 1983-1984 гг.). Анализ и комментарии. (МОН РЮО_а), рук. С.П. Виноградова, исп. Л.Р. Додыхудоева.

язгулямский	чаугад 'кладовая под полом в доме'? (Расторгуева, Эдельман 2007, 270)	ға 'еще, пока', (х)амғыл 'ровесник, одноклассник'
пушту	dar-γōl 'gap in the bank of a water-course', ōr-γālai 'fireplace', sō-γālai 'hare's burrow'	-γəlay 'затихание, успокоение' (наступление времени затишья) (Лашкарбеков 2014)
гилянский	jigā 'место'	gāhi, gāyi 'временами, иногда' gāh-gāhi 'время от времени' gāhi oyat 'иногда'
талышский	сэлго 'место для ловли птиц' шолго 'место для ловли рыбы, где ловят рыбу'	га... га-эн... 'то... то'

М.Ю. Гасунс
(Краснодар)

Новое в санскритской компьютерной лингвистике

Доклад развивает идеи, частично высказанные в наших предыдущих выступлениях: «Двести лет санскритской лексикографии (1819-2019)» (Зографские чтения, 2019), «Правила пользования словарями санскрита» («Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритологии», МГУ, 2019), "History of Cologne Digital Lexicons" (6th International Sanskrit Computational Linguistics Symposium, 2019) и «Параллельный санскритско-русский корпус» (Зографские чтения, 2020).

Квантитивные и корпусные методы, известные в санскритологии начиная от работ Уитни конца XIX века, достаточно неравномерно проработаны на разных уровнях языка. Уровни, для которых созданы инструменты, необходимые современному исследователю-санскритологу, таковы: уровень слов, уровень морфем, уровень фонемных групп (слов) и уровень самих фонем. Часть разработок малоизвестна, хотя и успешно применялась в других областях гуманитарных наук, другая часть связана с нашими недавними, ранее не публиковавшимися работами.

Порожденные небрежностью наборщиков и выложенные, в том числе после OCR, в интернете санскритские стихотворные тексты ненадежны. Проиллюстрируем выдвинутое утверждение конкретными примерами, возникшими в процессе работы над санскритско-русской билингвой Бхартрихари по изданию Косамби (1946). Дополним ее примерами из неопубликованного перевода Ашвагхоши по изданию Джонстона (1978).

Интерпретация изначально поврежденного текста может породить заведомо избыточные трактовки, поэтому назрела необходимость предпринять массовую и последовательную «чистку» электронных библиотек, помимо словарей. Одной из причин невозможности автоматического перевода является отсутствие выверенного корпуса. А также тот факт, что основная масса доступных в сети текстов – «грязная» и непригодна для обучения автоматизированных систем. Усилий добровольцев недостаточно. Однако сочетание их работы с возможностями искусственного интеллекта (начиная от регулярных выражений и алгоритма нечеткого поиска) могло бы решить проблему недостаточных ресурсов.

За последние 5 лет путем проверки заголовков словарных статей было устранено более 10 000 опечаток в электронных санскритско-санскритских, санскритско-английских и санскритско-немецких словарях. Индийская лексикография не может продолжать делать вид, что компьютер еще не изобретен. То, на что раньше требовались десятилетия работы, теперь можно сделать за считанные часы. Приведу пример: с помощью компьютерного алгоритма нечеткого поиска Fuzzy составлен список из сотен слов-кандидатов (636 шт.) на возможное наличие опечаток в «Санскритско-русском» словаре В.А. Кочергиной. Этот список дополнительно потом был проверен вручную. Речь идет о 2% словарных статей,

которым нет аналогов ни в одном из 33 предшествующих словарей, что, согласитесь, странно, например: aduḥka в.м. aduḥkha, bāṣpasālila в.м. bāṣpasalila, vipratopa в.м. vipratīpa.

Внедрение компьютерных технологий дает доступ, помимо исправления опечаток, к быстрому набору слов без диакритик с механизмами умного подбора возможно искомым слов. Открылись возможности, связанные с легким доступом к контекстам: если в Большом Петербургском словаре в 140 000 словарных статей содержалось всего 70 000 контекстов и это был подвиг на грани человеческих возможностей, то, опираясь на современный корпус, можно на порядок увеличить их количество, составив словарь на совершенно новых основаниях. В частности, задействовав сведения о частотности употребления слов в разные эпохи развития языка в разных жанрах литературы. Помимо этого составлен и частеречный список 845 простых корней и 3347 корней с провербами из приложения к хрестоматийной санскритской грамматике Уитни, а также 6425 глаголов (включая комбинированные провербы) с выписанными контекстами из словаря Моньера (из всего 10476 древнеиндийских глаголов). Список последних с выписанными контекстами, опубликованный в 2014 г., не устарел и в 2021 г. дополняется сведениями об управлении падежами (сперва в рамках 330 глаголов из «Руководства» Г. Бюлера).

П.В. Гращенков

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Контекстная валентность по (Шалапина 2007) и несобственные участники прилагательных

Семантическая роль бенефактива у прилагательных обладает одной интересной особенностью. Она может проявляться у семантических классов прилагательных, не обладающих способностью к управлению. Так, у прилагательных классов РАЗМЕР, ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА, ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, которые обычно не имеют синтаксических участников, такие участники появляются при употреблении с ними интенсификатора (*слишком, очень, весьма* и т.д.):

(1)

?? *вход, узкий для коляски*

?? *высокая для ребенка температура*

(2)

(интернет)

Вход в заведение слишком узкий для коляски.

Вызвать скорую, это очень высокая для ребенка температура...

Еще один контекст, при котором отсутствующая или маргинальная, например, при атрибутивных употреблениях роль становится (более) грамматичной – предикативное употребление в краткой форме (Арутюнова 1988: 240):

(3)

(интернет)

Дверь осторожно приоткрылась, и лихорадочно-бледный маг еле протиснулся в открывшийся проем, словно тот был узок для него.

Эта температура высока для стабильного соединения оцинкованных стальных стоек без повреждения покрытия.

Первым, кто сделал подобное наблюдение для английского языка, был Р. Джекендофф, см. (Jackendoff 1972), однако он, как и последующие исследователи английских прилагательных, больше говорил о зависимости (свойств) целевых участников (инфинитивов) от присутствия интенсификаторов:

(4) английский

(Jackendoff 1972: 227)

a. *The mattress is thin.*

‘Матрац тонкий.’

b. **The mattress is thin to sleep on.*

‘*Матрац тонкий, чтобы спать на нем.’

c. *The mattress is too thin to sleep on.*

‘Матрац слишком тонкий, чтобы спать на нем.’

(5) английский

(Jackendoff 1972: 227)

a. *The football is soft.*

‘Мяч мягкий.’

b. **The football is soft to kick.*

‘*Мяч мягкий, чтобы ударить.’

c. *The football is soft enough to kick.*

‘Мяч достаточно мягкий, чтобы ударить по нему.’

Как можно видеть по русским переводам, такая же зависимость целевых инфинитивов от интенсификаторов наблюдается и в русском языке.

Для объяснения причин возникновения подобных синтаксических участников, не входящих явным образом в число участников семантических, мы прибегнем к понятию «контекстной валентности» по (Шаляпина 2007).

В (Шаляпина 2007:177) вводится и получает детальное описание феномен так называемой «косвенной реализации» или «делегирования» валентностей. Данное явление определяется следующим образом: «При косвенной реализации валентности исходный носитель валентности **передает (делегирует)** ее одной из сущностей, с которыми он в данном контексте связан (непосредственно или опосредованно) отношениями зависимостей, а та **занимствует** эту его валентность для реализации в качестве одной из своих собственных валентностей».

По наблюдению З.М. Шаляпиной, одним из случаев, где регулярно встречаются контекстные валентности, является группа прилагательного: «в той же роли часто выступают единицы, обозначающие оценочную характеристику определяемого субъекта по тому или иному параметру: *он смел / решителен / осторожен / <в поступках> / удачлив <в любви> / высок <ростом> красив <лицом> / мягок <по характеру>*» (Шаляпина 2007:182).

Очевидно, что оценочная структура, присутствующая в неуправляющих прилагательных на семантическом уровне, получает синтаксическое выражение благодаря введению интенсификаторов. В терминах конфигурационного подхода наличие интенсификатора может свидетельствовать о существовании специальной функциональной проекции, адьюнктом которой является интенсификатор. Та же самая проекция ответственна и за введение комплемента с предлогом *для*.

Более подробный семантический и синтаксический анализ будет представлен в докладе.

Литература

1. Арутюнова 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Шаляпина 2007 – Шаляпина З. М. Трёхмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература РАН, 2007. – 485 с.
3. Jackendoff 1972 – Jackendoff R. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge, MA: MIT Press. 1972. p. 400.

Кулинарная терминология в диалектах Фарса (на примере давани)

В персидском языке большинство кулинарных терминов многокомпонентны и представляют собой фразеологизм, в котором называется тип блюда (например, *āš* ‘густой суп’) и уточняется его главный или определяющий вкусовую характеристику ингредиент (*āš-e anār* ‘густой суп с гранатом’, *širinpolo* ‘сладкий плов’) и/или место происхождения (*šakarpolo-ye širāzi* ‘ширазский плов с сахаром’, *āš-e sabzi-ye širāzi* ‘ширазский густой овощной суп’). Другим базовым элементом, на который затем нанизываются дальнейшие определения, является способ приготовления блюда: *kabāb* ‘жареное на мангале’ (это может быть баранина, курица, рыба, овощи); *kufte* ‘биточки/котлеты’; *xoreš(t)* ‘подлива’. Иногда базовым распространяемым элементом становится термин, указывающий и на основной продукт, из которого делается блюдо, и на способ приготовления: *šelow* ‘отварной рассыпчатый рис, подаваемый как гарнир’, *polow* ‘плов’ (рис готовится далее вместе с другими ингредиентами), *kate / dami* – ‘рис, который долго томится, пока не выпарится вся вода’.

В качестве уточняющих элементов могут выступать 1) специфическая черта блюда, характеризующая цвет (*kabāb-e do rang* ‘кебаб двух цветов’), 2) место происхождения блюда, определяющее вкусовые свойства (*kabab-e qafqāzi* ‘кавказский кебаб’), 3) имя – часто легендарного – создателя (*kabāb-e hoseyni* ‘Хусейнов кебаб’), 4) основной ингредиент (*jujekabāb* ‘кебаб из мяса цыпленка’). Эти элементы могут комбинироваться для спецификации 1) вкуса (*juje-kabāb-e ‘asali* ‘кебаб из мяса цыпленка с медом’), 2) ключевой приправы (*jujekabāb-e za’ferāni* ‘кебаб из мяса цыпленка с шафраном’), 3) способ приготовления (*jujekabāb-e tābeyi* ‘кебаб из мяса на сковородке’ или *kabāb-e moḡ-y soxāri* ‘жареная курица в панировке’); 4) событие, в честь которого подается то или иное блюдо (*kabāb-e majlesi* ‘праздничный кебаб’, *širini-ye nowtuzi* ‘сладости на Ноуруз’).

Те же принципы номинации кушаний и структурные типы кулинарных терминов можно проследить и при анализе диалектального материала. Связанные с определенным продуктом группы лексики (виноград [Салами 2007], финики [Раиси 2013], рис [Сабзалипур, Чераки, Сафари 2015]), в последние годы не раз становились предметом исследования иранских диалектологов, в работе которых особое внимание уделяется лексикографии и изучению фольклора, поскольку многие миноритарные языки и самобытные черты культуры народов Ирана находятся сейчас под угрозой исчезновения.

Источником языкового материала для описания семантического поля «еда» и кулинарной терминологии в диалекте давани стал словарь А. Салами (2003), который помимо лексикографической части включает в себя сказки, пословицы и поговорки, устойчивые идиоматические обороты, что позволяет до некоторой степени представить себе некую иерархию деликатесов в местной культуре. Так, героиня сказки находит деньги и задумывается: «Что бы мне купить вкусного-мягонького? Изюма возьму черного, крупного, да в нем косточки, финики возьму, так там хвостики, орехов возьму грецких, да у них скорлупа... Куплю-ка я почек бараньих, ни одного, ни другого, ни третьего у них нет!». Если финики и изюм среди сладостей оказываются, судя по всему, на одном уровне в рейтинге популярности, то мясные продукты, будучи редкостью, несомненно ценятся выше.

Типичными блюдами местного застолья являются *kavāv* ‘кебаб’, *tiriši/tereši* ‘маринованные овощи’, *xoḡoḡ* ‘подлива’ (из бобовых или овощей), *ō gust* ‘мясной густой суп’ и различные блюда из риса: *šela* ‘густая похлебка’, *āš* ‘плов или отварной рис’, *šurgvā* ‘рисовая похлебка’, *berendz-e vā rōta* рис, который варится в большом количестве воды до полуготовности, после чего откидывается в дуршлаг, сыпается обратно в кастрюлю и доводится до готовности; *berendz vā narōta* – рис, который варится на медленном огне в небольшом количестве воды так, чтобы он впитал в себя всю воду.

К базовому компоненту, как и в персидском, добавляются распространяющие элементы. Уточняется место и способ приготовления: *nu-ye tāveyi* ‘хлеб, приготовленный на сковороде’, *nu-y tereni* ‘тандырная лепешка’, *kufte-y tu jōri* ‘котлеты, мясо для которых измельчалось в ступке’ (*kufte* – пассивное перфектное причастие от *koīdan* ‘бить, измельчать’, *tu jōri* ‘в ступке’). Описывается внешний

вид или вкусовые качества блюда: *kufte-y ser gojişkeci* ‘маленькие тефтельки в подливке’ (букв. ‘воробьиные головки’), *tohmaк-e bu dāda* ‘ароматные семечки’. Как определение может быть указан случай, по которому подается то или иное блюдо, например, после отправления человека в долгое путешествие готовится специальный плов *āš-e ras-e rā*, которым угощают всю родню и соседей.

Наиболее продуктивным способом образования многосоставных терминов оказывается уточнение ингредиентов: *āš-e šāmliyi* ‘плов с семенами шамбалы (пажитника)’, *āš-e lisaki* ‘плов с черемшой’, *āš-e māšaki (polomāš)* ‘плов с мелкими зелеными бобами маш’, *āš-e mājek* ‘плов с орехами дикой остролистой фисташки’, *āš kārda* плов с травой биарум, которая распространена в горах Давана и по виду напоминает шпинат, если попытаться съесть ее в сыром виде, можно порезать язык (*kārda*, производное от *kard* ‘нож’). Также обозначаются разные виды похлебки *šela*: с помидорами (*šele-y tamāta*), на молоке (*šele-y šir*), из пшеницы (*šele-y ganomi*), со сметаной (*šele-y mās*), с куркумой (*šele-y darezardi*), а также консервированных овощей и маринадов *tiriši*: баклажаны (*tiriši-ye badingu*), турнепс (*tiriši-ye šalām*), сельдерей (*tiriši-ye kelōs*), морковь (*tiriši-ye nargesi*), каперсы (*tiriši-ye golak*).

Приведенные выше примеры показывают, что при анализе образования сложных кулинарных терминов в давани можно выявить те же деривационные модели, что и в персидском языке.

К.И. Демич, А.В. Костыркин

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Разработка З.М. Шаляпиной концепции языковых ярусов в рамках трехмерной стратификационной модели языка

1. Идея единого стратификационного описания языка и опыт отечественной лингвистики. Концепция языковых ярусов З.М. Шаляпиной в рамках трехмерной модели языка как развитие многоярусной системы И.Ф. Вардуля. Одномерный принцип устройства схемы Вардуля. Неэксплицированная вертикальная ось. Упорядоченность схемы вытекает из самой идеи ярусной иерархии. Конкурирующие ярусы и объекты не всегда отражают подлинные языковые явления и противоречия, но могут быть следствием ограничений такой схемы.

2. Модификация З.М. Шаляпиной схемы Вардуля и ее доработка до многомерной модели с учетом тезиса Ю.С. Маслова (1968) об ограничениях одномерной схемы и необходимости дополнительных языковых измерений. Критика и выявление нереализованных потенций стратификационной модели Вардуля. Введение Шаляпиной общего принципа минимальных и максимальных граничных единиц своих ярусов. Их связь со смежными им ярусами.

3. Принципиальные отличия лингвофилософского подхода Шаляпиной. Идея спиралевидной индукции на основе выявления «концентров», начиная с базового из безусловных единиц и вплоть до наиболее периферийных по сочетаемости с безусловными единицами. Отличие многомерной модели Шаляпиной от трактовки ярусов у Вардуля: ярусы выделяются не только в системе языка, но и в пределах конкретных текстов.

З.Д. Дербишева

(Кыргызско-турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)

Специфика строения глагольной словоформы турецкого языка

Турецкий язык представляет собой классический образец агглютинативного языка, где ведущую роль играют аффиксальные морфемы. Для русского языка доминантной единицей является само слово, а именно его частеречный статус, тогда как для турецкого языка конститутивной единицей является аффикс с его агглютинативными свойствами. Если в грамматике русского языка ведущим процессом

является изменяемость единицы, то в турецком языке в грамматике превалирует процесс его конструирования. Именно аффиксы конструируют словоформу. Сочетаемость аффиксов в турецкой словоформе имеет свои специфические закономерности. При рассмотрении структуры глагольной словоформы следует отметить такие особенности сочетаемости аффиксов, как: 1) встречаемость в пределах одной единицы однородных грамматических показателей времени; 2) тесная взаимосвязь аффиксов времени и наклонения. Такая логика сочетаемости грамматических показателей существенно отличается от основных законов построения флективной формы, основанных на принципах дополнительной дистрибуции, при которой два элемента не встречаются в одинаковом окружении. Правила свободной дистрибуции, свойственные грамматическим формам турецкого языка, порождают разветвленную парадигматику глагольных форм, которые выражают сложные модально-временные и аспектуальные значения. Ср.:

в глагольной словоформе *yazıyordum* (я писал в тот момент) встречаются два временных аффикса: настоящего времени: *-yor-* и прошедшего времени: *-du-*;

в глагольной словоформе *yazdıydım* (я написал давно, раньше) представлено два аффикса прошедшего времени: *-dı-* *-dı-*;

в словоформах типа *yazmıştım* (я написал раньше, давно) употреблены два аффикса прошедшего времени: субъективного прошедшего *-mış-* и определенного прошедшего *-tı-*;

в словоформах типа *yazacaktım* (я собирался написать) употребляется два временных аффикса – будущего времени *-acak-*, прошедшего времени *-tı-*.

Время и наклонение тесно взаимодействуют друг с другом, находясь в сложном семантическом переплетении. Условие, время, желание, предположение, намерение, долженствование преобразуются во всех временных планах, и в разных вариациях эти семантические аспекты составляют сложное модально-временное содержание глагольного слова. Иллюстрацией данного тезиса могут служить распространенные в турецком языке модели глагольных словоформ следующего типа:

yazsaydım (если бы я написал), где показателем условного наклонения является аффикс *-sa-*, показателем прошедшего времени является аффикс *-dı-*;

yazmalıydım (мне надо было написать), где *-malı-* является показателем долженствовательного наклонения, а *-dı-* – показателем прошедшего времени;

формы *yazıyorsam* (если ты пишешь в данный момент), *yazdıysam* (если я написал), *yazmışsam* (если я написал, говорят), *yazacaksam* (если я напишу): *yazarsam* (если я напишу вообще) представляют глагольные схемы, в которых аффикс условного наклонения *sa* сочетается со всеми временными аффиксами: *-yor-*, *-dı-*, *-mış-*, *-acak-*, *-ar-*.

В общей сложности турецкая модально-временная парадигматика насчитывает около 20 глагольных форм.

Л.Р. Додыхудоева

(Институт языкознания РАН, Москва)

К структурно-семантическим особенностям сложных глаголов и их деривативов в таджикском и шугнанском языках

При структурном анализе таджикские и шугнанские глаголы дифференцируются на простые, производные (префиксальные и суффиксальные) и сложные. Последние – аналитические формы – играют ведущую роль в современных процессах словообразования и словоизменения.

Данные глагольные образования представляют собой в основном двучленные сочетания, составной частью которых исходно являлись или являются знаменательными словами. Такими компонентами выступают в основном именная часть и глагол. В качестве первой могут выступать различные части речи (существительные, прилагательные, наречия, а также имена с предлогами и междометия). Глагольные компоненты выполняют грамматические функции, при этом участвуют и в формировании

общего значения. При этом во многих случаях функционировать самостоятельно вне состава сложного глагола может как именная часть (как семантически не привязанная к глаголу), так и глагол.

Мы опираемся при анализе на структурно-семантическую типологию сложного глагола, разработанную для персидского языка Ю.А. Рубинчиком, выделившим на основе семантических взаимоотношений компонентов (именной части и компонирующего глагола), а также сочетательных свойств глагола (валентность) моделированный и немоделированный типы (1981, 153).

В данном докладе мы рассмотрим несколько сложных глаголов, образованных аналитическим способом, их структурный состав и семантическую составляющую, а также особенности их функционирования в современном таджикском и шугнанском языках.

При образовании данной группы сложных глаголов в качестве глагола-модификатора используется такой простой глагол, как тадж. *кашидан* 'тянуть, тащить', на основе которого при включении именных компонентов образуется целый комплекс значений, начиная от 'привлекать внимание', 'снимать / натягивать (одежду)', 'взвешивать, впитывать', 'накладывать, разливать (пищу, чай)', 'извлекать (масло)', 'рисовать, чертить' до 'курить' и 'испытывать, претерпевать (разного рода эмоции и состояния)'. В дополнение мы рассмотрим также производные глаголы *баркашидан* 'взвешивать, измерять, извлекать', *даркашидан* 'втягивать (жидкость); натягивать, вынимать' и *кашон(и)дан* 'переносить, перетаскивать'.

Кроме того, мы подвергнем разбору сходный по значению шугнанский глагол *tīždōw* 'тянуть, тащить' и образованные аналитически при его посредстве сложные глаголы.

Особенно подробно предполагается рассмотреть сложный глагол, передающий значение «курить», который выражается в обоих языках на основе близких по семантике и грамматической функции (а также грамматическому значению) компонентов: таджикский *сигор кашидан* и шугнанский *čilim tīždōw*, а также соотношение между знаменательной частью и компонирующим глаголом.

В дополнение будут подвергнуты анализу композиты, основанные на базе таджикского глагола *кашидан*, и позднее включенные в систему шугнанского языка: *papiros-kaḥ*, *čilim-kaḥ* 'курильщик (папирос, сигарет, кальяна)'; *naswor-kaḥ* 'курильщик наса', а также выражения, связанные с особенностями употребления табака: *yī tīžd* 'одна порция (табака)'.

Г.Б. Дудченко

(АНОО «Невский институт языка и культуры», Санкт-Петербург)

Проект китайско-русского грамматического словаря

На сегодняшний день имеется немало справочников по грамматике китайского языка, в которых языковые явления распределены тем или иным способом. В основу представляемого проекта китайско-русского грамматического словаря заложен определённый признак – служебные языковые единицы.

Фразы на китайском языке иногда строятся без использования служебных слов и частиц. В них содержатся только знаменательные части речи – существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные. Поэтому первый раздел посвящён описанию случаев построения предложений с использованием исключительно этих слов, которые слагают лексическое многообразие языка. Грамматика в таких случаях заключается в строгом порядке слов в предложении. Подлежащее предшествует сказуемому, определение – определяемому слову и т.д. Например: 他喜欢踢足球 (ему нравится играть в футбол); 南方天气挺热 (на юге весьма жарко)¹.

Но в этих правилах состоят лишь азы грамматики китайского языка. Наибольшая часть в её описаниях обычно связана с применением служебных единиц. Они также занимают строго

¹ Готлиб О.М. Практическая грамматика современного китайского языка. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 159, 169.

определённое место в предложении, а кроме этого способны сильно влиять на общую расстановку в нём слов. В примере 他汉语听得不多, 他应该多听汉语 (он мало слышал китайскую речь, ему надо бы больше слушать)¹ отчётливо заметно, что в первой части, где есть 得, прямое дополнение 汉语 предшествует 听, а во второй части стоит после него.

В представляемом проекте описание использования служебных слов и частиц составляет основную часть словаря. В целом он является как вариантом систематизации данных для дальнейших исследований, так и справочником, который может применяться в практической деятельности, включая языковую подготовку и перевод разных текстов.

Словарь включает в себя статьи для каждой из служебных языковых единиц. К ним относятся частицы, счётные слова, предлоги, союзы, модальные глаголы и т.д.

При составлении описания статей в основном задействованы справочники и учебные пособия таких авторов как А.Ф. Кондрашевский, О.М. Готлиб, В.Ф. Щичко, а также другие опубликованные источники. Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке, то есть по фонетическому признаку с помощью пиньинь. Использование служебных слов и частиц приводится с примерами предложений с их переводом на русский язык. Данный подход широко применяется в лексикографии, и представляется вполне приемлемым для первого опыта подобного словаря-справочника грамматики китайского языка.

Б.А. Захарьин

(ИСАА МГУ, Москва)

Механизм порождения высказывания в грамматике Панини: дистрибуция семантических и грамматических элементов

В основании ‘*Aṣṭādhyāyī*’, санскритской «грамматики говорящего», созданной Панини в V в. до н.э., лежат 3 гиперкласса единиц: глагольные корни (*dhātu*), именные основы (*prātipadika*) и аффиксы (*pratyaya*). Классификации двух первых приводятся в лексикологических приложениях к ‘*Aṣṭādhyāyī*’, а разные группы аффиксов задаются в ней самой. Важнейшими из них являются флексии, представленные списками из 18 глагольных (*tiñ*), предполагающих пересечения граммем категорий залога, лица и числа, и 21 именными (*sUP*), имплицитующих комплексы граммем категорий падежа и числа. По правилу 1.4.4 Панини, флексии, объединяясь – прямо или опосредованно (через суффиксы) – с *dhātu* и *prātipadika*, образуют словоформы: «[то, что] оканчивается на *tiñ* или *sUP*, [является] словоформой (*pada*)». Высказывание представляет собой семантически и синтаксически упорядоченную последовательность словоформ, в которой отношения между именной и глагольной базисными составляющими подчинены принципу кореферентности (*samānādhikaraṇatva*).

Порождение высказывания начинается с семантики: с отбора из лексикона необходимой глагольной лексемы (т.к. именно она является минимальным языковым репрезентантом реальной ситуации) и с определения востребованного ею множества Θ -ролей (*kāraka*), соотносимых с участниками ситуации. Класс ролей противостоит «списочным» классам падежно-числовых или лично-числовых показателей (*vibhakti*), и между теми и другими устанавливаются много-многозначные соответствия. Далее, определяя модально-временную рамку потенциального высказывания, говорящий выбирает одну из 10 возможных ‘L-структур’ (*L-āḥ*), каждая из которых в плане содержания является одной из граммем категорий «время» или «наклонение», а в плане выражения селективно соотносена с соответствующей типизированной флексией. Также, в согласии с требованиями синтаксиса, репрезентирующий предикат глагол рассматривается как реализующий одну из 3-х допустимых «ориентаций»: на агенс, на пациенс или на само действие. В итоге на базе ролей, L-структур и соответствующих *vibhakti* формируется первичная предикатно-аргументная структура высказывания.

¹ Практический курс китайского языка в 2 т. Т. 2. / отв. ред. А.Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2010. С. 113.

Далее на основе правил морфологии и морфонологии должно осуществляться замещение типизированных именных и глагольных маркеров конкретными финальными показателями, но эти операции предваряются жестким дистрибутивным ограничением. – По правилу Панини 2.3.1 ‘*anabhihite*’ (букв. «при невыраженном») для типизированных маркеров, соотносимых с ролями агенса или пациенса и с соответствующей (агенсной или пациенсной) ориентацией, допускается их исключительно одноразовое – либо приглагольное, либо приименное – использование. При наличии выраженного морфологически указания на агенса или пациенс в глагольной словоформе, соотнесенное с ролью кореферентное имя может маркироваться только «нейтральным», в принципе не связанным с ролями, номинативом. И наоборот: наличие в именных структурах маркеров, указывающих на агенса или пациенс, обуславливает отсутствие соответствующих элементов (например, «пациенсного» суффикса пассива *-uá-*) в глагольной словоформе. Подобное гибкое устройство высказывания открывает возможности для его трансформаций: из активно-залоговой конструкции в пассивную, из полной – в номинализованную, и т.п. При этом ни одна из потенциальных структур в концепции Панини не рассматривается как «ядерная», а необходимый отбор какой-то из них автором речи осуществляется на базе экстралингвистических, в частности, стилистических, требований.

А.С. Зверев

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Графическое слово в зеркале японского языка: к уточнению понятия

Обсуждение фундаментального понятия «слова» и критериев словоделения обычно не обходится без упоминания единиц, именуемых графическими (орфографическими) словами [Яхонтов 1963; Haspelmath 2011: 4; Алпатов 2018: 45-46]. Графическое слово определяют как фрагмент текста между двумя пробелами. По своей форме этот термин претендует на высокую степень обобщения и в принципе должен описывать реализацию «слов» в условиях визуально-графической коммуникации – как некий базовый феномен синтагматической организации письменной речи.

Как правило, обсуждение феномена графических слов ведется в довольно критическом ключе, однако демонстрируемый при этом уровень проработки проблематики представляется неудовлетворительным. Среди прочего обращают на себя внимание следующие два недостатка.

Во-первых, не делается попыток адаптировать понятие графического слова к письменным языкам другого устройства, где пробелы не используются или их употребление значительно отличается. Вместо этого языки типа японского только кратко упоминаются как свидетельства неуниверсальности модели – и этим даже мотивируют далеко идущие выводы о нерелевантности самого понятия [Мельчук 1997: 198-199]. Подобный подход исходит из необоснованного требования применимости «среднеевропейского стандарта» к любым «экзотическим» языкам и резко контрастирует с практикуемым в лингвистике отношением, в частности, к аналогичным явлениям устной речи (в плане определения фонетического слова ср. [Spencer, Luís 2012: 74-77] о сопоставимости разных типов словесной просодии).

Во-вторых, в этой простейшей модели графического слова не учитываются знаки препинания, так что текст полностью сводится к последовательности букв и пробелов. Такое упрощение выглядит вполне допустимым в морфологических исследованиях типа [Зализняк 1967], но в целом едва ли может претендовать на адекватное представление реальной письменной речи.

С нашей точки зрения, решению обеих указанных проблем может способствовать привлечение японского материала. Как известно, в графической структуре японского текста ведущую роль играет противопоставление графем разных классов: иероглифов, знаков хираганы, катаканы, которые организуются в устойчивые шаблоны [Tanaka 1980: 320; Мидзутани et al. 1987: 109-173]. В рамках развиваемой модели предполагается, что знаки препинания тоже могут рассматриваться как один из таких классов и встраиваться в подобные шаблоны на общих основаниях – как в японском, так и, например, в русском языке.

Литература

1. Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: ЯСК, 2018.
2. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
3. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.: Прогресс, ЯПК; Вена: WSA, 1997. Том 1.
4. Яхонтов С.Е. О значении термина «слово» // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963. С.165-173.
5. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation and the Nature of Morphology and Syntax // *Folia Linguistica*. V.45. №1. 2011.
6. Spencer A., Luís A.R. Clitics. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
7. Tanaka T. Statistical Analysis of Japanese Characters // COLING-80. Proceedings of the 8th International Conference on Computational Linguistics. Tokyo, 1980. P. 315-322.
8. 水谷静夫 Мидзутани Сидзуо et al. 文字・表記と語構成 [Знаки, письмо и структура слова]. Токио: Асакура, 1987.

П.О. Кисель

(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные стратегии заполнения валентностной рамки разделяемых предикатов в современном китайском языке

В данном исследовании предпринимается попытка анализа валентностной структуры двусложных глагольно-именных сочетаний современного китайского языка, фиксируемых в словаре в качестве лексем, но допускающих дистантное положение компонентов в предложении за счет формального включения в свой состав других единиц, которые могут оформлять либо глагольный, либо именной компоненты бинома.

В докладе будут представлены основные стратегии заполнения валентностной рамки раздельно-слитных предикатов (с учетом по умолчанию занятой позиции после глагольного компонента в двуслоге) и рассмотрены возможности введения участников с такими ролями, как Инструмент, Стимул, Бенефактив, Причина, Место, Контрагент, Срок, Кратность и др.

Участник с той или иной семантической ролью может как вводиться в препозиции ко всему предикату, маркируясь служебным показателем, так и занимать позицию между компонентами двусложного расчленяемого предиката, зачастую выступая в качестве приименного атрибута. В некоторых случаях допускается постановка участника с определенной ролью в постпозиции ко всему предикату.

Вводимый как приименный атрибут участник, как правило, разрывает только формальную спаянность бинома и инкорпорируется в состав двусложного предиката, который обладает высокой семантической спаянностью, что не позволяет именному компоненту обрести синтаксическую самостоятельность. В ряде случаев такой именной компонент становится своего рода опорой для ввода нового участника, который устанавливает с ним атрибутивные отношения. В некоторых случаях альтернативным вариантом ввода данного участника является его поднятие в позицию перед глаголом со специальным показателем.

Встречаются также случаи, когда именной компонент в составе двусложного предиката при определенном оформлении уже сам выступает полноценным участником ситуации, становясь отдельным членом предложения. Изоморфизм качественно разных единиц в современном китайском языке – сложных слов и словосочетаний – позволяет говорить о своего рода квази-семантических ролях

именных компонентов в глагольно-именных двуслогах. При этом рецессивно наделенный той или иной семантической ролью именной компонент остается «связанным» с глагольным компонентом и лишенным своей синтаксической самостоятельности. Возможность ее обретения зависит от таких факторов, как слабая степень семантической спаянности компонентов бинорма, разрывающаяся в результате формального расчленения, и определенное оформление именного компонента, влияющее на его денотативный статус.

Е.И. Колпачкова
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Феномен японских заимствований в китайском языке: проблемы упорядочения терминологии

Настоящий доклад сфокусирован на анализе терминологического аппарата, сформировавшегося в лексикологии китайского языка в частнонаучном ключе применительно к заимствованиям из японского языка, в сопоставлении их с терминологией, принятой в западной синологии, китайской и отечественной лингвистике и возникающих в этой связи проблемах ее упорядочения.

Рубеж XIX – XX вв. характеризовался активным процессом заимствования лексических единиц из японского языка в китайский. Китайский язык, до 1870-х гг. выступавший преимущественно донором, в эпоху Мэйдзи превратился в язык-реципиент. В силу иероглифической формы записи в обеих системах эти лексические единицы оказывались практически неотличимы от исконно китайской лексики, и в науке наблюдается неоднозначность в подходах к трактовке данного явления среди исследователей китайского и японского языков.

Этот пласт лексических единиц довольно гетерогенен, поскольку сюда включались и чистые японизмы, описывавшие типичные феномены японской культуры или субкультур, и случаи деархаизации, возвратившие в активное употребление слова или отдельные их элементы (морфемы), когда-то бытовавшие в Китае и получившие в конце XIX – начале XX вв. новую жизнь в Японии и иное, ранее не имевшееся значение. Целый пласт неологизмов был заимствован в китайский язык через язык модернизированной Японии, выступивший в данном случае языком-посредником, из европейских языков.

В западной синологии для таких единиц предлагались термины – graphic loans (графические заимствования) у Ф. Масини, symbolic loans (символьные заимствования) у Э. Кук, противопоставленные фонетическим (phonetic loans) или фонематическим (phonemic loans) заимствованиям.

В отечественной синологии заимствования из японского языка попадали в фокус научных исследований считанное число раз (в работах В.В. Иванова, В.И. Горелова, О.А. Бехтеревой и Е.Д. Кругловой). В.В. Иванов ввел в научный оборот термин «вторичное заимствование», в дальнейшем также использовавшийся В.И. Гореловым, который применял его к собственно японизмам и словам, пришедшим из японского языка, но в самом японском языке представляющие собой не исконно японские слова, а иностранные заимствования [Горелов 1984, 150]. О.А. Бехтерева ввела в научный оборот синологии термин «обратное заимствование», синонимичный «вторичному заимствованию» и называвший диахронический процесс, в ходе которого какой-либо элемент заимствуется другим языком в одну эпоху, а затем возвращается в него уже в другую эпоху из заимствовавшего его когда-то языка [Бехтерева 2016, 21].

Однако неустоявшаяся в китаистике терминология имеет следствием расхождения с тем аппаратом, который сложился в отечественной лексикологической традиции, а также не совпадает с видением китайских исследователей. Так, в отечественной лексикологии с подачи Л.П. Крысина термин «вторичное заимствование» принято относить к лексическим единицам, которые появляются в языке «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом ..., по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии».

В докладе предлагается упорядочить имеющуюся в синологии терминологию в области заимствований из японского в китайский язык с учетом уже имеющихся классификаций данных единиц, предложенных отечественными, китайскими и западными лингвистами.

Е.В. Коровина

(Институт языкознания РАН, Москва)

Деление на значимые единицы памятников письменности острова Пасхи

Письменность острова Пасхи – кохау ронгоронго – несмотря на почти полтора века ее изучения, остается недешифрованной. Общий объем доступного для изучения корпуса около 15 тысяч знаков и довольно неплохо документированный язык современных жителей острова позволяют надеяться на потенциальную возможность дешифровки.

Одной из первичных задач изучения такого рода системы письма является попытка мотивированного членения ее на значимые единицы разной протяженности: клаузы, слова или морфемы – для облегчения возможности ее сопоставления с языковым материалом, записанным известной графической системой. В случае кохау ронгоронго задача осложняется отсутствием в памятниках пробелов и знаков препинания. Для решения этой задачи могут использоваться различные средства. Во-первых, классический эпиграфический анализ вариативности начертаний в параллельных текстах и фрагментах. Во-вторых, поскольку тексты кохау ронгоронго высокоструктурированные и содержат многочисленные списки, подобные последовательности можно также разделить на устойчивую и переменную части. В-третьих, для установления структуры текста можно использовать разнообразные формальные алгоритмы, первые из которых были разработаны еще в середине 20-го века и в современной компьютерной лингвистике используются прежде всего для подготовки автоматической корпусной аннотации текстов на китайском, аккадском и других языках с иероглифической системой письма.

В ходе данной работы было установлено, что результаты автоматического анализа деления на значимые элементы в целом не противоречат результатам, получаемым при предварительном «ручном» анализе. Кроме того показано, что выделяемые элементы обычно имеют длину 1-2 знака, что естественно если кохау ронгоронго является иероглифической письменностью с некоторым количеством слоговых написаний. При этом выделяется особый класс знаков, которые, с одной стороны, в ряде контекстов ведут себя, как если бы являлись чем-то соотносимым со «словом», а в других контекстах скорее, как части «слов». Если речь не идет о полисемии и знак в обоих контекстах читался примерно одинаково, то в силу того, что самостоятельные слова в рапануи состоят из минимум 2 мор (и односложное самостоятельное слово поэтому обязано иметь долгий гласный), то, возможно речь идет о неразличении в графике рапануи слогов с долгими и краткими гласными.

А.А. Кретов

(Воронежский государственный университет, Воронеж),

М.Ю. Гасунс

(Краснодар),

В.В. Леонченко

(Долгоруково)

Параметрический анализ «Санскритско-русского словаря» В.А. Кочергиной

В докладе планируется каждое слово словаря-источника «взвесить» по 4 параметрам: синтагматическому (богатство сочетаемости), парадигматическому (количество синонимов), эпидигмати-

ческому (количество значений) и функциональному (длина) и, сложив эти веса, получить интегральный параметрический вес по системообразующим для лексики параметрам.

В результате исследования мы получаем информацию о стратификации лексики санскрита, представленной в словаре-источнике, по частным параметрам и по интегральному параметру. В заключении даются ответы на следующие вопросы: какие слова в словаре-источнике имеют признаки ядра лексико-семантической системы? Какой слово можно назвать доминантой (т.е. самым важным словом) лексико-семантической системы по данным словаря-источника? Какие слова являются самыми короткими и самыми длинными, самыми многозначными, самыми богатыми сочетаемостью и синонимией?

С.А. Крылов

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Общелингвистическая концепция З.М. Шаляпиной

З.М. Шаляпина (14.04.1946 – 19.10.2020) внесла значительный вклад не только в теорию англо-русского и японско-русского машинного перевода, но и в общелингвистическую теорию (далее ОЛТ).

Предметом внимания в общелингвистической концепции З.М. Шаляпиной была внутренняя структура языка как знаковой системы, проявляющаяся в реальном функционировании языка при человеческом общении (= предмет внутренней синхронической лингвистики по Соссюру).

В области ОЛТ лингвистами¹ сказано очень много – так много, что не верится, что к уже сказанному ранее можно было бы добавить что-нибудь новое, нетривиальное, и одновременно с этим – осмысленное и непротиворечивое. Но в работах З.М. Шаляпиной такая ОЛТ была реализована на практике.

З.М. Шаляпина исходит из того, что языковая (= лингвистическая) действительность (и, соответственно, знание о ней) состоит из (а) языковой (лингвистической) компетенции языкового субъекта (носителя языка) и (б) языкового функционирования, то есть использования языковым субъектом тех лингвистических знаний, которые входят в эту языковую компетенцию. Моделирование этой реальности предполагает, что должна строиться некоторая обобщённая модель, охватывающая как языковую компетенцию человека (его языковые знания), так и его языковое поведение (языковую деятельность). И центральным компонентом этой модели является именно универсальная модель языковой компетенции, опирающаяся на некоторые независимые основания, а не на тот или иной конкретный способ её функционирования в рамках той или иной коммуникативной задачи или коммуникативной ситуации, то есть такая модель является «функционально-независимой». Это представление вполне согласуется с основным методологическим принципом центральности языковой системы (langue) для всех проявлений языка-речи (langage)².

Языковая компетенция в стратификационной модели З.М. Шаляпиной строится как трёхмерное лингвистическое пространство, формируемое осями обозначения, членения и обобщения. На основе этой концепции ей удалось переосмыслить не только такие базовые лингвистические понятия, как «единица», «знак», «уровни» («ярусы»), «отношения», «перевод», «(связный) текст», в том числе важнейшие дихотомии, такие как «план выражения» vs. «план содержания», «значимость», «парадигматика» vs. «синтагматика», «анализ» vs. «синтез», «грамматика» vs. «словарь», но и ряд более частных лингвистических понятий (особенно синтаксиса и семантики). Среди них – понятия

¹ (например, Ф. де Соссюром, Л. Ельмслевом, Ю.С. Масловым, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гаком, Т.В. Булыгиной, С. Лэмом, В. Ингве, Н. Хомским, У.Л. Чейфом, И.А. Мельчуком).

² Этот принцип был чётко сформулирован в соссюрском «Курсе общей лингвистики», а затем развит в классическом структурализме XX века (особенно в «глоссематике» Л. Ельмслева).

«валентности», «коммуникативной организации» («актуального членения»), «лингвистической избыточности», «межфразовых связей», «анафоры», «лексической функции».

Е.М. Лазуткина

(ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва)

Процессы фразеологизации в синтагматике на разных уровнях языковой системы

В докладе предполагается рассказать о действии универсалии (или оператора) «фразеологизация» на разных уровнях языковой системы, при которой «целое не столько определяется частями, сколько определяет их» (М.В. Панов). Понятие «фразеологизация» близко понятию «реляция», которое ввела Зоя Михайловна Шаляпина.

Рассматриваются вопросы, близкие теоретической концепции З.М. Шаляпиной: «границы слова», «членимость слова», «лексическая законченность слова, словосочетания», «семантика модели предложения», «композиционная семантика предложения».

Языковая универсалия «фразеологизация» действует как психолингвистическая категория, как прием включения языковых элементов в так называемые «виртуальные мнемонические ряды» (Ф. Соссюр), уже известные парадигмы, помогает выявить неочевидные парадигматические классы языковых единиц в системе. Фразеологизация тесно взаимодействует с категорией выделения, играет важную роль в формировании номинативной сущности слова, словосочетания или семантики модели предложения.

Это дает основание использовать универсалию «фразеологизация» в качестве инструмента анализа семантики системных единиц разной линейной протяженности.

Примеры фразеологизации

1. Изменение морфемного состава производного слова. В основе анализа семантики производного слова и его грамматической формы лежит постулат о его “лексической законченности”, о существовании границы слова. В изменении морфемной членимости производного слова обнаруживается действие прагматических механизмов языка. Ср. топонимы с суффиксами *-щин(а)/-чин(а)*. Они образуются непосредственно от прилагательных с суф. *-ск-*, а опосредствованно мотивированы существительными, представляющими собой географические или этнические наименования. ср. например топонимы: *Брянщина, Владимирщина, Вологодчина, Полтавщина, Смоленщина* и т.д. Суффиксы обуславливают флексию *-а* и вхождение слова в разряд существительных женского рода. Появление номинаций *Сабуровщино, Детчино* свидетельствует о потере внутренней формы топонима, о десемантизации суффикса *-щин(а)*, о фразеологизации комплекса «корень слова и суффикс». Вследствие этого, слова переходят в разряд топонимов среднего рода с суффиксом *-ин(о)* с обобщающим словом *село*: *Пущино, Гущино, Галкино*.

2) Отражение в строении словосочетания внеязыковой ситуации. Ср.: *счастливая улыбка, блаженное лицо, унылые плечи, печальные глаза, свирепый взгляд, повинная голова* (у А.А. Потебни упоминается вариант поговорки: *Поклонную голову и меч не сечет*). Эти словосочетания образовались в результате когерентности выраженной в дискурсе информации и невыраженной, но которой владеет каждый носитель языка.

3) Фразеологизация слов с отрицательной частицей «не» для выражения ассертивного смысла; например: *неуёмное веселье; непромокаемый плащ; нехстати; не преминул сказать; спирт никогда не переводился; им этого не доставало; ему неймётся.*

4) Фразеологизация на уровне модели предложения.

а) Фразеологизация предикатного ядра.

В модели предложения с семантикой “стихийное изменение состояния субъекта под действием чувств, ощущений” чувства, ощущения «трактуются» как концепт “субстанция, способная к самостоятельному перемещению”. При этом в семантике глагола важен только один компонент

(полнота охвата); например: *От радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья* (Ю. Бондарев); *Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость* (И. Тургенев); *Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик болотной влаги, Меня прознобил туман* (С. Есенин).

б) Фразеологизация состава сказуемого. Ср.: *Дорогу завтра покроют асфальтом – Дорогу асфальтируют; Тропинку заснежило; Губы обметало (чем?); Дети залили скатерть (чем?).*

Ю.А. Ландер

(НИУ ВШЭ, Москва)

Топик, фокус и степень интеграции в клаузу¹

Обычно семантика предложения, отражаемая в синтаксисе, по крайней мере частично ориентируется на дефолтную информационную структуру (в первую очередь в выборе лексем и в соответствующей ролевой семантике). Тем не менее, иногда семантическая структура и информационная структура оказываются противопоставлены. Таковы, в частности, случаи, когда топиком является не наиболее агентивный участник или когда фокус включает не описание всей ситуации, а лишь значение одного из параметров, ее характеризующих (так называемый узкий фокус). В этих ситуациях – а также в некоторых других – выражение топика или фокуса может выделяться из клаузы, описывающей ситуацию и приписывающей ролевую семантику; ср. (1) [*Этот зверь*], *я с этим зверем / с ним давно знаком* или (2) *С кем я давно знаком, так это [с этим зверем]*.

В то же время даже такие выражения могут проявлять нестандартные свойства, связывающие их с клаузой, задающей ситуацию. Для фокуса, выражаемого псевдоклефтами, это явление известно как «эффекты присоединения» (connectivity effects): например, в (2) таковым является оформление фокуса как предложной группы – очевидно, задающей одновременно и его ролевые свойства. Сходные явления наблюдаются и при оформлении выделенного топика.

Как мы покажем на материале западнокавказских и австронезийских языков (привлекая, впрочем, и данные других языков вроде японского), речь здесь не может идти о простом включении/невключении в клаузу. Мы предлагаем говорить о разной степени интеграции топика и фокуса в клаузу и о разной степени их воздействия на клаузу. Вероятно, эти параметры во многом отражают и диахронические процессы.

Ю.С. Мылзенова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Некоторые вопросы семантической классификации японских основосложных глаголов

1. Основосложные японские глаголы, несмотря на простоту словообразовательной техники, имеют множество семантических особенностей, которые наиболее ярко проявляются в их сочетаемости.

2. Эти особенности связаны с семантико-синтаксическими свойствами исходных глагольных основ и с различными способами их взаимодействия в составе целого.

3. Классификация такого разнородного материала может строиться по различным основаниям: Разная степень спаянности составляющих основосложные глаголы позволяет позиционировать их между синтаксически свободными и застывшими формами (*о-номи-ни нари-хадзимэта* «начал пить»). С этим критерием коррелирует различная степень их лексикализации. Взаимодействие между валентностными структурами двух глаголов дает широкий набор подклассов, коррелирующих с синтаксическими отношениями в глагольно-глагольных сочетаниях, например, *юдзури-укэру* «уступить (что-то) (кому-то)

¹ Работа поддержана грантом РНФ №17-18-01184 (рук. В.И. Подлесская, РГГУ).

в пользу»: *X га Y кара Z о юдзури-укэта* «X получил Z от Y», что равнозначно выражению *Y га X ни Z о юдзури, X га Z о укэта*. По критерию грамматикализации можно рассматривать как отдельные составляющие основосложных глаголов, так и их производные. Еще один критерий дают способы наследования производным глаголом полисемии (например, *маки-тирасу* «1) рассыпать, 2) разбрызгивать» от *маку* «1) сыпать 2) брызгать»).

Т.Г. Погибенко

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Возникновение языковых моделей как ответ на коммуникативные вызовы дискурса

1. Эволюционирование языковых моделей – широко обсуждаемая тема в современной лингвистике последних десятилетий, в рамках которой рассматриваются сценарии возникновения грамматики и синтаксической сложности.

Грамматикализация – еще одно, широко представленное в научной литературе, направление, в рамках которого сформировалось представление об эмерджентной грамматике – постоянному возникновению новых структур в результате разного рода повторения в дискурсе.

Идею о том, что грамматика является эмерджентным свойством дискурса, т.е. возникает для обслуживания возникающих потребностей коммуникации, высказал П. Хоппер [Hopper 1996, стр. 231].

В данном сообщении будут рассмотрены два аспекта, подтверждающие тезис Хоппера: 1) создание новых моделей как решение коммуникативных задач; 2) вариативность паттернов в синхронии как побочный продукт создания новых моделей для оптимального решения коммуникативных задач.

2. Как показывает практика полевой работы, информант может прибегнуть к созданию новой модели с использованием языкового ресурса родного языка, когда он сталкивается с тем, что в его языке отсутствует модель для адекватного перевода, который бы отражал смысл анкетного предложения в полном объеме. В качестве примеров будут рассмотрены:

а) модели для описания перемещенных референтов и положений дел (из практики полевой работы по языкам ма и кату);

б) модель с расщепленными конструкциями для решения сложной коммуникативной задачи симметричного размещения рем разных уровней в синтаксической структуре предложения (из практики полевой работы по языку ма).

3. Создание новых синтаксических моделей, как ответ на коммуникативные вызовы дискурса происходит при переходе к письменной форме языка.

В древнекхмерском и никобарском языке кар на этапе перехода от устной речи к письменной с интервалом в несколько веков¹ возникает одна и та же модель предложения со сдвигом ремы с использованием одного и того же языкового ресурса – маркера зависимой предикации *ta*.

В текстах кхмерских эпиграфических памятников отмечаются попытки создания модели расщепленного предложения, что связано с характером коммуникативных задач, возникающих при создании этих текстов.

4. При грамматикализации полипредикативных конструкций, образующихся в результате синтаксического сжатия двух предложений, может возникнуть конфликт морфосинтаксического и коммуникативного уровней. Вариативность и вариантность моделей в синхронии может возникать как побочный продукт урегулирования такого конфликта, как, например, в следующих случаях:

а) вариативность моделей результативных конструкций в языке ма;

¹ Древнекхмерский – язык эпиграфических надписей Камбоджи начала 7 – середины 15 в., письменный материал по языку кар относится к языку конца 19 – начала 20 вв.

б) вариантность счетной конструкции в языке кату и древнекхмерском для выражения разных коммуникативных статусов числительных.

Литература

1. Погибенко Т. Г. Никобарские языки и древнекхмерский: формы зависимой предикации // Вестник Института востоковедения РАН, № 3 (13), 2020. М.: ИВ РАН. Стр. 317-332.
2. Погибенко Т. Г., Ефимов А. Ю. Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ма. М., 2020. – 504с.
3. Costello N. Katu folktales and society. Vientiane, 1993.
4. Hopper P. Some recent trends in grammaticalization // Annual review of anthropology, 25. 1996. Pp. 217-236.

В.И. Подлесская

(РГГУ, Москва)

Данные японского языка и современная дискуссия о прямой и косвенной речи¹

Зое Михайловне Шаляпиной,
в чьих трудах каждый факт японского языка
становился частью строгой системы

Доклад посвящен японским квотативным конструкциям, т.е. конструкциям, служащим для передачи чужой речи. Задача данного исследования – поместить японские данные в контекст дискуссии о возможных параметрах межъязыкового сравнения квотативов и о противопоставлении прямой и косвенной речи как об одном из центральных параметров такого сравнения.

В современной дискуссии о противопоставлении прямой и косвенной речи сложились две основных позиции, одну можно условно назвать «традиционалистской», или европоцентрической (Aikhenvald 2008, 2011; Güldemann 2008; Güldemann, von Roncador (eds.) 2002; Падучева 1996; Подлесская 2018; Podlesskaya 2019 *inter alia*), а другую, столь же условно, «реформистской», или универсалистской (Evans 2013; Spronck, Nikitina 2019a,b и их обсуждение в специальном номере *Linguistic Typology* 23(1); Bugaeva, Nikitina (in print), Перехвальская 2020, Князев 2017, Yaroshevich 2019, 2020, Сумбатова 2019 *inter alia*). Согласно первой, традиционалистской точке зрения, имеется два полярных прототипа – прямая речь и косвенная речь; в прямой речи авторская ремарка и цитата максимально и согласованно дезинтегрированы по всем параметрам: прагматическому, синтаксическому, просодическому; в косвенной речи авторская ремарка и цитата максимально и согласованно интегрированы по всем параметрам; промежуточные случаи рассматриваются как отклонения от этих двух прототипов. Согласно второй, универсалистской точке зрения, нельзя при описании межъязыковой вариативности в зоне репортативов опираться на прототипы, выработанные на базе языков средневропейского стандарта: в языках могут обнаружиться (и обнаруживаются) другие прототипы. В качестве аргументов приводятся, в частности, (i) языки с так называемым индексальным сдвигом, где цитата демонстрирует признаки синтаксического подчинения, но часть индексальных выражений ориентирована на внутреннего говорящего, а часть на внешнего, или (ii) языки с логофорами, особыми местоимениями, отсылающими ко внутреннему говорящему.

¹ Работа поддержана грантом РНФ №17-18-01184.

Я постараюсь показать, что данные японского языка говорят в пользу универалистского подхода. О том, что при описании японских кватативов нельзя опираться на прототипы, работающие для языков среднеевропейского стандарта, говорят следующие факты:

- Независимо от того, как выбираются индексальные выражения, цитата вводится комплементаризером (кватативным союзом).
- Нет лично-числового согласования, обязательных требований согласования времен, особых правил порядка слов в зависимой клаузе.
- Другие возможные типы индексальных выражений (бенефактивы, показатели вежливости, средства поддержания референции, отсылающие к локуторам) не являются ни обязательными, ни даже высокочастотными, поэтому цитата может вообще не содержать сигналов, указывающих на то, прямая она или косвенная.
- Даже если такие сигналы есть, они не обязательно действуют согласованно. Например, цитата может содержать императив, т.е. содержать показатель иллюкутивной силы, отличной от сообщения – это говорит о прямой цитате. Однако из множества императивных форм, различающихся в японском языке по этикетной вежливости, может быть выбрана форма, не соответствующая по этикетности внутреннему говорящему.

Таким образом, для японского языка более плодотворным оказывается многофакторный анализ, позволяющий учитывать все многообразие исследуемой зоны и выделять лингвоспецифические кластеры значений релевантных параметров.

В.Я. Порхомовский

(Институт языкознания РАН, Москва)

Научная парадигма в диахроническом языкознании

Термин парадигма является одним из наиболее распространенных в современном научном дискурсе и имеет очень широкий спектр значений и коннотаций, особенно после публикации работы Т. Куна «Структура научных революций» (Kuhn 1962; Кун, 1975). Именно в соответствии с определением Т. Куна термин научная парадигма, или дисциплинарная матрица, употребляется в настоящем докладе.

В диахроническом языкознании ситуация с возможностью использовать этот термин является весьма сложной и противоречивой. Здесь с развитием сравнительно-исторического метода сложилась собственная дисциплинарная матрица, отвечающая всем требованиям к научным парадигмам согласно Т. Куну. Она основана на модели, разработанной школой младограмматиков, развитой и дополненной в рамках дальнейшего прогресса языкознания. Эта модель позволяет на основе установления регулярных фонетических соответствий осуществлять реконструкции праязыковых состояний, определять родство языков, т.е. их происхождение из общей праязыковой системы, что создает базу для генеалогических классификаций языков, обычно представляемых в виде генеалогического дерева. Однако диахроническое языкознание включает различные направления, которые выходят за границы базовых принципов научной парадигмы по Т. Куну. К их числу относятся прежде всего сравнительные исследования и реконструкции в области исторической грамматики и семантики, а также проблематика генеалогической классификации языков.

На уровне установления абсолютного родства языков метод регулярных фонетических соответствий отвечает критериям научной парадигмы. Но определение последовательности языковой дивергенции на промежуточных этапах различного уровня в рамках установленной языковой общности уже не может рассматриваться как научная парадигма или дисциплинарная матрица. Отдельную проблему составляет допустимость привлечения в рамках стандартной парадигмы сравнительно-

исторического анализа методов типологической, ареальной и функциональной лингвистики, особенно для таких языковых типов, как койне и лингва франка, пиджины и креольские языки.

Эти проблемы будут рассмотрены в докладе на материале различных языковых семей и групп, прежде всего афризийских (семито-хамитских) и африканских.

Литература

1. Кун 1975 — Кун Т. Структура научных революций. М., «Прогресс», 1975.
2. Kuhn 1962 — Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago. 1962; The University of Chicago Press. 2nd Edition, enlarged, 1970.

Е.Л. Рудницкая

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Употребление и характеристики глагола *bi-* ‘быть’ в эвенкийском языке

Глагол ‘быть’ – это непростой объект исследования. В разных языках у этого глагола может различаться сфера употребления. Большинство существующих исследований на материале европейских языков рассматривают вопрос идентификации и отличительных грамматических признаков так называемого экзистенциального значения глагола ‘быть’ [Арутюнова 1976; Babby 1980; Borschev, Partee 2002; Hazout 2004; etc.]. В английском языке *be* – это глагол, который может быть и вспомогательным (*The boy is crying*), и связочным (*John is happy/ John is in the room*), и экзистенциальным (*There is a boy in the room*). Различие трех данных употреблений *be* определяется по лексико-синтаксическому контексту, а морфологически *be* во всех трех случаях оформляется одинаково. Во многих не индоевропейских языках, в том числе в алтайских, экзистенциальное значение глагола ‘быть’ выражается другой основой, например, *iss-*, в отличие от (клитической) связки *-i-*, в корейском языке, ср. (1а-б), или экзистенциальное и отрицательное экзистенциальные предикативные слова *var-* и *yok-* в турецком [Wagner-Nagy 2011: 177].

- (1) а. *ce-nun yengkwuk salam-i-eyyo* [Yeon, Brown 2011: 155]
я.FAM-TOP английский человек-be.COP-POLITE
‘Я англичанин.’
- б. *neyngcangko-ey oleyni cwusu-ka iss-ta* [Yeon, Brown 2011: 152]
холодильник-LOC апельсин сок-NOM быть.EX-DECL
‘В холодильнике есть апельсиновый сок.’

В эвенкийском языке, при том, что есть отрицательный экзистенциальный предикатив *āчин* ‘NEG.EX’, отличный от вспомогательного отрицательного глагола *э-* ‘NEG’, положительное экзистенциальное значение выражается глаголом *bi-*, который также является вспомогательным глаголом и связкой. Примеры на три данные употребления *bi-*:

- (2) а. *koj-no bi-hi-m gun-d’ə-rə-n*
заблудиться-PTCP.PF быть-NFUT-1SG говорить-IPFV-NFUT-3SG
‘‘[Я] заблудился’, [он] говорит.’ (устный рассказ)
- б. *Tari-l oro-r burgu-l (bi-si-Ø)* [Nedjalkov 1997: 277]
тот-PL олень-PL толстый-PL (быть-PRS-3PL)
‘Те олени толстые.’
- в. *tər turu-dū žə*
тот Тура-DAT FOC
d’u-n bi-hi-n mon-ŋi-n

дом-PS.3SG быть-NFUT-3SG RFL-PROPR-3SG
‘[У нее] есть свой собственный дом в Туре.’ (устный рассказ)

В этом смысле эвенкийский язык похож на русский (оба относятся к языкам типа «B-languages» («бытийные языки») по [Harves, Kayne 2012]). В эвенкийском у экзистенциального *bi-* есть существенные морфосинтаксические отличия от вспомогательного и связочного *bi-*, связанные с факультативностью только первых двух в настоящем времени, с морфологическим оформлением в настоящем/«небудущем» (NFUT) времени (только *-si/-hi-* в связочной/вспомогательной функции и *-si/-hi/-rA-* в экзистенциальной функции), с возможностью аспектуальных аффиксов только в контексте аффикса *-rA*, но не *-si/-hi*, с различием модели управления связочного и экзистенциального *bi-* и др. В докладе подробно рассматриваются морфосинтаксические, семантические и коммуникативные различия между связочным и экзистенциальным употреблением *bi-*.

А.А. Смирнитская

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Моделирование лексико-семантических изменений: обзор подходов (на материале тамильского языка)

Исходным пунктом настоящего исследования являются данные тамильско-английского словаря Tamil Lexicon. Шеститомный Мадрасский тамильский лексикон, как его еще называют, создавался в 1924-1936 годах в университете города Мадрас (ныне Ченнай) с использованием большого массива предшествующих лексикографических источников. Результатом этого является уникальный труд, в котором собраны значения, относящиеся к разным эпохам развития тамильского языка – от т.н. «литературы санги» (первая половина 1 тыс. н.э.) на старотамильском языке до средневековых религиозных канонов на среднетамильском и современных значений в литературе начала 20 века.

В настоящем докладе с помощью моделей лексико-семантических изменений исследуются исторические наслоения значений в семантических полях «падение», «бросание», «термины родства» и некоторых других. Используется концептуальный аппарат теории семантических переходов Анны А. Зализняк, фреймовый подход Московской лексико-типологической группы (MLexT), возможности анализа колексификации, которые предоставляет база данных кросс-лингвистических колексификаций CLICS. Рассматривается метод визуализации с помощью семантических карт, а также вопрос применимости к данным тамильского языка компьютерных методов оценки семантических изменений с помощью современного программного обеспечения.

Литература

1. Зализняк, Анна А. Семантический переход как объект типологии. // Вопросы языкознания, № 2, 2013. С. 32-51.
2. Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Глав. ред. Е. В. Головки. Т. XVI. Ч. 1. Типология глаголов падения/ Ред. Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова, С. Ю. Дмитренко. СПб.: ИЛИ РАН, 2020.
3. Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S. J., Wu M.-Sh., Schweikhard N. E., Koptjevskaja-Tamm M., Gast V., Bodt T. A., Hantgan A., Kaiping G. A., Chang S., Lai Y., Morozova N., Arjava H., Hübner N., Koile E., Pepper S., Proos M., Van Epps B., Blanco I., Hundt C., Monakhov S., Pianykh K., Ramesh S., Gray R. D., Forkel R. & List J.-M. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. // Scientific data. 2020. Vol. 7. P. 13.

Модель словоформы в чадских языках

В докладе показано, что многие процессы, происходящие в чадских языках на уровне словоформы вида $C_1VC_2V^1$ (метатеза, ассимиляция, диссимиляция, лениция) вызваны необходимостью соответствовать одной и той же модели. Параметры модели определяются следующим правилом: в пределах одной словоформы менее звучная фонема должна предшествовать более звучной, но не наоборот. Оценочная шкала для согласных выглядит следующим образом: фрикативные → аффрикаты → смычные → имплозивные → носовые → плавные.

Метатеза, как правило, наблюдается в отдельных языках и подгруппах. Исходная словоформа (не соответствующая модели) определяется по когнатам в семитских языках, для которых данная модель словоформы не актуальна, а действуют правила сочетаемости фонем.

Регрессивная ассимиляция характерна для структур типа: смычный – фрикативный (например, $pVh- > fVh-$). В результате устраняется главное несоответствие модели (более звучная фонема предшествует менее звучной).

Диссимиляция наблюдается при равной звучности C_1 и C_2 (например: $bVd- > bVd-$, $dVb- > dVb-$. Знаками d и b обозначаются звонкие имплозивные фонемы.) Результирующая форма полностью соответствует модели.

В общую картину трансформаций вписывается и лениция ларингала в позиции C_2 ($C_1-h- > C_1-w/y-$). В результате форма $CVw/y-$ полностью соответствует модели.

Актуальность данной модели словоформы для чадских языков подтверждается и статистически – наиболее частотной структурой, особенно – при звонком смычном в начальной позиции (C_1) – является структура с плавным согласным в позиции C_2 . Высокая частотность характерна и для структур типа: сибилант (s) или латеральный фрикативный (l) в позиции C_1 и звонкий смычный в позиции C_2 (т. е., $s-b-$, $s-d-$, $l-b-$, $l-d-$), при этом формы с метатезой ($b-s-$, $d-s-$) обладают низкой частотностью, а формы типа $b-l-$, $d-l-$ практически не представлены в словарях.

Л.В. Хохлова

(ИСАА МГУ, Москва)

Сочетаемостные свойства и семантика легких глаголов в языке хинди

Сочетания основы смыслового глагола с легким глаголом образуют в хинди так называемые интенсивные глаголы. Наиболее частотные в списке легких глаголов *lenā* ‘брать’, *denā* ‘давать’, *ānā* ‘приходить’, *jānā* ‘уходить’, *paṛnā* ‘падать’, *uṭhnā* ‘подниматься’, *baiṭhnā* ‘садиться’, *ḍālnā* ‘бросать’, *mārnā* ‘бить’. Переходные глаголы сочетаются, как правило, с легкими переходными, непереходные – с легкими непереходными. Только легкие глаголы *jānā* ‘уходить’ и *baiṭhnā* ‘садиться’ свободно присоединяются к любым основным смысловым глаголам – как транзитивным, так и интранзитивным.

Принципы сочетаемости и семантика интенсивных глаголов не раз становились предметом анализа в работах как отечественных, так и многих зарубежных лингвистов. (Butt 1995; Hook 1974; Kachru 1966, 1980; Masica 1991; Mohanan 1994; Montaut 2004 и др.). Описывалась экспликативная, модифицирующая и дейктическая функция легких глаголов (Липеровский 1984), использование легких глаголов для разрешения полисемии лабильных предикатов, инцептивное или комплетивное значение компаунда в зависимости от неопределенности – определенности основного смыслового глагола (Хохлова

¹ За очень небольшим исключением, для прачадского состояния типичным является биконсонантный корень (C_1-C_2-).

2018), инверсия основного и легкого глагола, маркирующая намерения субъекта совершить действие (Hook 1974).

В докладе предлагается критический анализ двух распространенных среди индологов представлений о сочетаемостных свойствах и семантике интенсивных глаголов хинди. Во-первых, считается, что легкий глагол *paṛṇā* 'падать' служит для образования компаундов с инволитивной семантикой (Butt 1995:113). Для проверки этого утверждения использовался составленный Я. Качхру список всех возможных сочетаний наиболее частотных глаголов хинди с легкими глаголами (Kachru 1980: 52-57). Глаголы *uchalnā* 'подпрыгивать', *calnā* 'двигаться', *nikalnā* 'выходить, появляться', *laṛṇā* 'драться, ссориться', *utarnā* 'спускаться' являются волитивными и после присоединения легкого глагола *paṛṇā* компаунд ожидаемо сохраняет волитивность. Глаголы *gīrnā* 'падать', *hāsnā* 'смеяться', *cāyknā* 'вздрагивать', *ronā* 'плакать', *khulnā* 'открываться', *ghusnā* 'проникать', *jhūlnā* 'качаться', *jhuknā* 'наклоняться' являются инволитивными, однако в определенных контекстах (в особенности в метафорах) могут приобретать волитивное значение, которое сохраняется при присоединении легкого глагола *paṛṇā* 'падать'. Только один глагол из списка Я. Качхру – *cūnā* 'протекать', 'сочиться' не может иметь волитивного значения ни при самостоятельном употреблении, ни в сочетании с легким глаголом. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что волитивная или инволитивная семантика интенсивных глаголов определяется значением основного глагола и никак не связана с инволитивной семантикой легкого глагола.

Во-вторых, в докладе будет показано, что вопреки распространенному мнению не все формы аориста от интенсивных глаголов маркированы по признаку «завершенность действия» или «полностью реализованные изменения объекта». Если глагол описывает гомогенный процесс, который может быть прерван в любом месте и продолжен в дальнейшем, при этом изменения объекта происходят постепенно, формы аориста от интенсивных глаголов (как переходных, так и непереходных) могут употребляться и в том случае, когда процесс не был завершен.

Литература

1. Липеровский, В.П. Глагол в языке хинди. Москва, Наука, 1984.
2. Хохлова, Л.В. Семантическая характеристика интенсивных глаголов в хинди-урду // Военно-гуманитарный альманах, серия Лингвистика, Издательский дом "Международные отношения", Москва, т. 1, 2018, с. 420-427.
3. Butt, M. The Structure of complex predicates in Urdu, CSLI Publications, Center for the Study of Language and Information, Stanford, California, 1995.
4. Hook, P. The compound verb in Hindi: The University of Michigan, 1974.
5. Kachru Y. An Introduction to Hindi Syntax, Urbana: University of Illinois, 1966.
6. Kachru, Y. Aspects of Hindi Grammar, New Delhi: Manohar publications, 1980.
7. Masica, C. The Indo-Aryan Languages, Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
8. Mohanan, T. Argument Structure in Hindi, Standford, California: CSLI Publications, Centre for the Study of Language and Information, 1994.
9. Montaut, A. A Grammar of Hindi: Lincom Europa, 2004.

Особенности сочетания глагола *баярлах* ‘радоваться’ с лексическими и фразеологическими градуаторами в бурятском языке¹

Исследования эмотивной лексики в отечественном языкознании были начаты в 70-х годах XX века. Основную, ведущую роль в этом сыграла школа волгоградских лингвистов, монография и предшествующие работы одного из ведущих представителей этой школы В.И. Шаховского служат ориентиром в изучении эмотивности в языке [Шаховский, 2008].

Выражение эмоций, как и сами эмоции, отличаются разной степенью градации. Можно улыбнуться, вскинуть руки, обнять кого-либо для выражения радости, закричать, запрыгать на месте – все это кинетические показатели степени радости человека. В то же время радость, степень ее выражения, особенно в описании, может быть показана и лексически.

Сочетаемость слов, как известно, определяется семантикой самого слова. Значение ‘радоваться’ в любом из языков мира градуируется по шкале от высокого к нижнему порогу: очень (очень сильно) – немного (слегка) – слабо (чуть-чуть). «Глагол сочетается с градуаторами – наречиями меры и степени, местоимениями, частицами, параметрической лексикой» [Исаева, 2008, С. 9]. Для выражения этих градуированных состояний, а также для выражения оттенков радости в каждом языке имеются свои средства.

В бурятском языке для выражения большой радости употребительно выражение, связанное с редупликацией основного глагола в родительном падеже в сочетании с наречием *ехээр* ‘много, премного, очень-очень’: *баярлахын ехээр баярлаа* ‘очень обрадовался, премного’ букв. ‘радовался высшей мерой радости’: *Бөө баярлахын ехээр баярлажа, тэрэ үдэр тайлга хэхэ гэнэн тунхаг тарааба* (М. Осодоев) ‘Шаман очень обрадовался и объявил о камлании в тот день’. Наречия с корнем *ехэ* также участвуют в выражении радости в высшей мере.

Часто градуаторами глагола со значением ‘радоваться’ выступают фразеологические единицы, которые чаще всего выражают крайнюю степень выражения чувства: — *Тэбхэр хорин жэлэй саана иимни гэдэһээ тэһэрхээ һанатараа баярлаа һэниш...* (М. Осодоев) ‘Ровно двадцать лет назад ты обрадовалась так, что живот чуть не лопнул’.

Приведенные выше примеры свойственны литературной речи, языку художественной литературы, но язык реализуется и в речи, в обиходно-бытовом обращении. В этом случае фиксируются и более «экзотические» усилители, но и в то же время номенклатура градуаторов содержит и более «спокойные» образцы: *горитой* ‘очень’, *халта* ‘чуть’, *ухаангүй* ‘без ума’, которые проникают в литературу.

Примечательным является то, что в бурятском языке градуаторы для выражения радости со знаком «минус» в художественной литературе встречаются крайне редко, например: *Үбгэжөөлэй һалганаһан һулахан хоолойдо баярлаһанай тэмдэг соностобо* (Ж. Тумунов) ‘В дрожащем голосе слышались слабые нотки радости (букв. знак радости)’.

Литература

1. Исаева И.А. Градуальная семантика глагола в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. н. М., 2008. – 17 с.
2. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности».

Роль сочетаемости древних языковых элементов в структурной эволюции иранских языков

Праиранские языковые единицы (корни, основы, частицы) реконструируются путем этимологического анализа реальных слов и элементов, существующих в иранских языках. Тем самым данные реальные языковые единицы являются продолжениями древних единиц и их закрепившихся сочетаний, а, значит, свидетельствами сочетаемости древних единиц, их синтагматики, а также возможностей последующих сочетаний их рефлексов. Это выявляется на лексическом уровне (в реализации словообразовательных моделей) и на морфолого-синтаксическом (в формировании синтаксических элементов: предлогов, послелогов, союзов, а также в дальнейшем закреплении послелогов как падежных показателей).

Этимологический анализ лексики разных иранских языков позволяет выявить возможности одной и той же праязыковой единицы вступать в разные сочетания, согласно разным словообразовательным моделям и разным морфосинтаксическим образованиям. Естественно, сочетаемостные потенции различных языковых единиц, как современных [Шаляпина 1991, 42], так и реконструируемых, различны, в зависимости от их семантики. Особенно широк диапазон возможностей у слов с локальной и направительной семантикой.

Рассмотрим это на примере некоторых рефлексов в живых и вымерших иранских языках праиранской лексемы **antar* "внутри, между, в", зафиксированной в древних текстах как предлог и наречие.

В сочетаниях лексического уровня – она участвует в словообразовании имен и глаголов. В именах: а) имя с суффиксом **antar-a* "внутренний, внутренняя часть", **antara-ka* "внутренний", **antara-či-* "внутренняя" (например вах. *andarč* "жены братьев по отношению друг к другу"); б) первый элемент имени-композиции, обозначающего внутреннюю часть чего-либо, типа **antar-rauna-* "внутренняя сторона" (например перс. *andarun* "интерьер, женская половина дома; внутренний мир, душа"; язг. *əndər-avdūst* "тонкие перчатки, надеваемые под рабочие рукавицы"); в ряде случаев такой компонент превращается в именной префикс. В глаголах движения она становится превербом, указывающим на направление внутрь с разными оттенками значения (например: тадж. *даромадан* "входить, вступать; поступать [на работу, учебу в учреждение]; входить, помещаться [в узкое пространство]"; перс. *darāmadan* "выходить, появляться [откуда-то]; восходить [о светилах]").

В сочетаниях морфолого-синтаксического уровня – она образует вспомогательные синтаксические элементы: а) предлоги (перс., тадж. *dar* "в, внутри"); послелог (тадж. диал. *-anda*; шугн. *-andīr*, язг. *-anda* с разными оттенками значений "в, внутри, при [ком-либо] и др."); б) компоненты сложного предлога, сочетания наречия с предлогами и др. (например **hača-antar* "изнутри").

Отмечены единичные промежуточные сочетания – в составе устойчивого синтаксического оборота, находящегося на пути к лексикализации в виде сложного слова (например, кл. перс: *nest-andar-jāhān* "редкостная, единственная", букв. "не-есть в мире").

И.С. Якубович
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Морфонологические чередования в цепочках лувийских клитик

Лувийский язык относится к анатолийской группе индоевропейских языков, был распространен на территории Малой Азии и Сирии и засвидетельствован в клинописных и иероглифических памятниках 1500-800 г. до н.э. Одной из особенностей лувийского языка является наличие клитических цепочек, расположенных в вакернагелевской позиции, то есть после первого ударного слова в клаузе, и

следующих друг за другом в определенном порядке, вытекающем из соотношения их рангов (Якубович 2013: 126). Лувийские вакернагелевские клитики подвержены морфонологическим изменениям в контакте друг с другом. В одних случаях данные чередования являются позиционно обусловленными, тогда как в других они имеют характер свободного варьирования. Изучение условий и результатов сандхи внутри клитических комплексов представляется необходимой предпосылкой для установления полного инвентаря лувийских клитик и их рангового описания. Одним из подходов к изучению данной проблемы является анализ морфонологических чередований в параллельных версиях лувийских заклинаний.

Результаты проведенного анализа позволяют прийти к заключению о том, что частицы [=dar] и [=r], ранее считавшиеся двумя различными лексическими единицами (Giusfredi 2014), в действительности представляют из себя алломорфы одной морфемы с квазидополнительным распределением. Другим выводом является частотный характер синкопы /ada=tta/ → [=atta], которая уже отмечалась ранее для позднелувийских текстов в иероглифической передаче (Rieken 2008: 640-641), но не для клинописных текстов II тыс. до н.э. Сравнение с материалами родственного ликийского языка позволяет спроецировать данное чередование на общелувический уровень. В докладе также будет предложено теоретическое осмысление обсуждаемого контекстно-обусловленного варьирования форм лувийских клитик в парадигме эволюционной фонологии (Blevins 2004).

Литература

1. Blevins, Juliette. 2004. *Evolutionary Phonology: The Emergence of Sound Patterns*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Giusfredi, Federico. 2014. "The Cuneiform Luwian Local Particles and the Obscure Particle -(V)r". *Proceedings of the 8th International Congress of Hittitology* (Warsaw, 5-9 September 2011), Piotr Taracha and Magdalena Kapełusz (eds). Warsaw: Agade. Pp. 308-316.
3. Rieken, Elisabeth. 2008. "Die Zeichen <ta>, <tá> und <tà> in den hieroglyphen-luwischen Inschriften der Nachgroßreichszeit". *VI Congresso Internazionale di Ittitologia* (Roma, 5-9 settembre 2005), Alfonso Archi and Rita Francia (eds). Part 2, pp. 637-649 (= SMEA 50: 637-649).
4. Якубович, И.С. 2013. "Лувийский язык". *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки передней и центральной Азии*, под ред. Ю.Б. Корякова и А.А. Кибрика. Москва: Academia. Стр. 109-36.

S. Beletskiy

(University of Dodoma, Tanzania / Higher School of Economics, Moscow)

Cigogo Demonstrative Pronouns: Morphology and Semantics

The aim of the study is to analyse morphology and semantics of Cigogo demonstrative pronouns. Cigogo is a Bantu language spoken in Central Tanzania (Dodoma, Iringa and Manyara regions) by 1 080 000 speakers. The data for this study comes from 50 fairy tales collected in Dodoma city and Hombolo village. The analysis involved transcription and annotation of narratives as well as interviews and elicitation sessions with Cigogo native speakers.

Cigogo possesses four types of demonstrative pronouns: proximal, medial, distal 1, and distal 2. They all are used as dependent components of a noun phrase. Proximal demonstrative pronouns are used to refer to an object that is close to both speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication (*munhu yuyu* 'this person'). Medial demonstrative pronouns are used to refer to an object that is not far away from both speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication attached to the root *o* (*munhu yuyo* 'this person'). Distal demonstrative pronouns of subtype 1 are used to refer to an object that is far away from both

speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication attached to the root *no* (*munhu yuyuno* ‘that person’). Distal demonstrative pronouns of subtype 2 are used to refer to an object that is not visible to both speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication attached to the root *lya* (*munhu yuyulya* ‘that person’). Besides these special functions medial and distal demonstrative pronouns play metarepresentational and anaphoric functions (to refer to something that was previously said or to introduce something that is about to be mentioned and is supposed to be familiar to the hearer). Moreover, demonstrative pronouns exhibit two levels of morphological reduction: 1) substitution of the first prefix with the morph *a* (*munhu ayu / ayo / ayuo / ayulya* ‘this / that person’); 2) deletion of the first prefix (*mubici wuno* ‘that tree’). This reduction is pragmatically conditioned.

Keywords: Bantu, Cigogo, demonstratives, pronouns, pragmatics.

Содержание

Антонян К.В. О грамматическом и лексикологическом аспектах слова в современном китайском языке	3
Бадмаева Л.Д. Проблемы структуры значений бурятского глагола ойлгохо ‘понимать, понять’ с анализом его сочетаемости.....	4
Банкова Л.Л. Способы обозначения обыкновенной дроби в древнекитайском языке	5
Баяржаргал Б. Анализ функционирования собственно послелогов и отыменных послелогов в текстах «Сокровенного сказания монголов» XIII и XX веков	6
Белова А.Г. Модель в грамматике классического арабского языка.....	7
Блинов А.А. О некоторых особенностях сочетаемости компонентов акронимов в современном арабском языке	7
Борисова Е.Г., Симатова С.А. Типология единиц, служащих для модификации содержания сообщения в процессе коммуникации (на материале русских и китайских частиц).....	8
Будкина Ю.В. Структура лексико-семантического поля соматических единиц на материале персидского языка	10
Быкова С.А. Глагольные устойчивые словосочетания в японском языке и лексико-семантическая сочетаемость	11
Виноградова С.П., Додыхудоева Л.Р. О некоторых общих особенностях именного словообразования в новоиранский период (на примере рефлексов др.-иран. лексемы *gātu-// *gāθu- ‘место’)	12
Гасунс М.Ю. Новое в санскритской компьютерной лингвистике	13
Гращенко П.В. Контекстная валентность по (Шаляпина 2007) и несобственные участники прилагательных	14
Громова А.В. Кулинарная терминология в диалектах Фарса (на примере давани)	16
Демич К.И., Костыркин А.В. Разработка З.М. Шаляпиной концепции языковых ярусов в рамках трехмерной стратификационной модели языка	17
Дербишева З.Д. Специфика строения глагольной словоформы турецкого языка	17
Додыхудоева Л.Р. К структурно-семантическим особенностям сложных глаголов и их деривативов в таджикском и шугнанском языках	18
Дудченко Г.Б. Проект китайско-русского грамматического словаря.....	19
Захарьин Б.А. Механизм порождения высказывания в грамматике Панини: дистрибуция семантических и грамматических элементов.....	20
Зверев А.С. Графическое слово в зеркале японского языка: к уточнению понятия	21
Кисель П.О. Основные стратегии заполнения валентностной рамки разделяемых предикатов в современном китайском языке	22

Колпачкова Е.И. Феномен японских заимствований в китайском языке: проблемы упорядочения терминологии.....	23
Коровина Е.В. Деление на значимые единицы памятников письменности острова Пасхи	24
Кретов А.А., Гасунс М.Ю., Леонченко В.В. Параметрический анализ «Санскритско-русского словаря» В.А. Кочергиной	24
Крылов С.А. Общелингвистическая концепция З.М. Шаляпиной	25
Лазуткина Е.М. Процессы фразеологизации в синтагматике на разных уровнях языковой системы	26
Ландер Ю.А. Топик, фокус и степень интеграции в клаузу	27
Мылзенова Ю.С. Некоторые вопросы семантической классификации японских основоложных глаголов.....	27
Погибенко Т.Г. Возникновение языковых моделей как ответ на коммуникативные вызовы дискурса.....	28
Подлеская В.И. Данные японского языка и современная дискуссия о прямой и косвенной речи	29
Порхомовский В.Я. Научная парадигма в диахроническом языкознании.....	30
Рудницкая Е.Л. Употребление и характеристики глагола bi- ‘быть’ в эвенкийском языке	31
Смирнитская А.А. Моделирование лексико-семантических изменений: обзор подходов (на материале тамильского языка)	32
Столбова О.В. Модель словоформы в чадских языках	33
Хохлова Л.В. Сочетаемостьные свойства и семантика легких глаголов в языке хинди	33
Цыренов Б.Д. Особенности сочетания глагола баярлаха ‘радоваться’ с лексическими и фразеологическими градуаторами в бурятском языке	35
Эдельман Д.И. Роль сочетаемости древних языковых элементов в структурной эволюции иранских языков.....	36
Якубович И.С. Морфонологические чередования в цепочках лувийских клитик	36
Beletskiy S. Cigogo Demonstrative Pronouns: Morphology and Semantics.....	37